

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

Урал-
БАТЮШКА

Сплетение судеб

Урал-батюшка

Александр Чиненков

Сплетение судеб

«ВЕЧЕ»

Чиненков А. В.

Сплетение судеб / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ», — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-8122-2

Бунт вспыхнул неожиданно. «Ампирактор» Емелька Пугачёв разгромил несколько крепостей и, собрав значительные силы, подошёл к Оренбургу. Словно снежный ком обрушилось это известие на губернатора Рейнсдропа. Только тогда всем стало ясно, какая страшная опасность нависла над плохо укреплённым городом. Население края раскололось. Большая часть, поверив самозванцу, влилась в его войско. Но дворянство и незначительные воинские подразделения Оренбурга выступили против бунтовщиков. Книга потомственного казака Александра Чиненкова открывает волнующие страницы истории Оренбургского края, прославляя отважных предков, не щадивших «живота своего» ради величия и укрепления России.

ISBN 978-5-4484-8122-2

© Чиненков А. В.

© ВЕЧЕ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Чиненков

Сплетение судеб

Глава 1

В полдень войско Пугачёва переправилось на илецкий берег через восстановленный мост. По велению «ампиратора» казаки расположились для отдыха на поляне.

Сам «государь», спасаясь от палящего солнца, присел под раскидистой берёзой. Рядом, прислонившись к стволу и смотря себе под ноги, стоял Иван Зарубин-Чика.

– Где же Овчинникова черти носят? – проговорил недовольно Пугачёв. – Ещё вчарась послал его в Илецк объявить о моём приходе. Солнце уже высоко, а его всё нет, поганца.

– Почто меня в Илецк не отрядил, государь? – спросил Чика.

– Ты в уговорах не разумен, – ответил Пугачёв. – В бою ты казак наипервейший! Боевой, геройский казак. А тут надо спокойно и разумно. С людьми не только саблей, но и словом ладить надобно!

– Государь мудро поступил! – добавил Егор Бочков, лежавший на траве неподалёку от Пугачёва. – Овчинников кто? Атаман государева войска! Вот он и должен сперва уметь языком врага уболтать, но а уж ежели не получится...

– А ты почто кручинишься, Ивашка? – спросил Пугачёв, хмуро глядя на Чику. – Аль не доверяешь Андрюхе?

– Доверяю, – ответил Зарубин. – Только вот медлительный он какой-то. Через губу не переплюнет. Мы б наскоком скоренько крепостицу взяли и не рассусоливали понапрасну. А он...

– Шустрый ты, как я погляжу, – усмехнулся Бочков. – А когда к Яицку подошли, чтой-то я тебя не разглядел впереди войска. А когда по нам из пушек пальнули, так от тебя...

– А что я, – покраснев от досады, растерянно забубнил Чика. – Ежели бы государь не велел от Яицка вертаться, то я бы ещё показал, на что зараз пригоден!

– Не можно нам было нынче на Яицк переть, – вздохнул Пугачёв, поглаживая бороду. – У коменданта Симонова, язви ему в душу, ещё много войска, да и пушки имеются. Дык какого ляда нам головушки зазря ложить? Покуда Илецк приберём, в Рассыпную крепостицу заглянем, а тогда... Ежели людишками и пушками зараз обростём, тогда и в Яицк сызнова наведемся!

В то время, пока «государь» разъяснял Чике причины ухода от Яицка, Бочков на четвереньках подполз к ним ближе. Как только Пугачёв замолчал, он тут же присел, обхватил руками колени и сказал:

– Пожалуй, Ивашка прав, государь. А чего мы здесь собственно выжидаем и время зря тратим? Да и к чему ждать Овчинникова, который, может быть, заснул по дороге? До Илецка городка рукой подать. Да и от возвращения Овчинникова ничего эдакого не зависит. Ежели сдадут городок казаки – значит, сдадут. А ежели нет, то всё едино силой брать придётся! Может, прямо сейчас и двинем, ваше величество?

– А ведь ты прав! – ответил Пугачёв. – Чему быть – того не миновать. – Он повернул голову к притихшему Чике. – Пойди передай войску, что мы сейчас идём к Илецку.

Вскоре над поляной зазвучал горн, казаки построились, развернули знамёна, и войско тронулось, оглашая воздух криками и радостными возгласами.

* * *

Там, где река Илек впадает в Яик, на возвышенном левом берегу, в стороне от большого тракта на Оренбург, притаилась Илецкая крепостица. Она мало чем напоминала мощное укрепление, способное выдержать осаду войска и тем более обстрел пушками. Четырёхугольная, обнесённая земляным валом, с бревенчатыми стенами... Крепость Илецкого городка могла выдержать разве что набеги племён кочевников, защищая казаков от их стрел и копий.

По сторонам единственной улицы, посреди которой находились базар, каменная церковь, казармы, провиантский магазинчик и соляная управа, жались друг к другу несколько домов зажиточных казаков. Скромные домишки казаков победнее, которых насчитывалось не более трёхсот, были выстроены у вала. Тесовые крыши почернели, оконца маленькие, невелики и деревянные крылечки.

Утром двадцатого сентября тысяча семьсот семьдесят третьего года над городком навис плотной пеленой туман. Несмотря на это, в Илечке царило необычайное оживление, как в праздник. У соляной управы разложили большой костёр, возле которого сутились люди. Их лица светлы, радостны и приветливы. Почему? Да потому, что они ожидали войско Пугачёва и самого «ампиратора»!

Казаки были одеты празднично, шапки набекрень. А казачки выглядели ещё краше. У них вздымалась грудь, блестели глаза, и они украдкой, наклонив голову, улыбались гостям.

Поодаль, за установленным прямо на улице столом сидели казаки, прибывшие в городок вместе с Андреем Овчинниковым. Они бросали голодные взгляды на дымящиеся котлы и на вертел, на котором жарился годовалый боровок.

– Чего приуныл, Андрюха! – дружески хлопнул Овчинникова по плечу Иван Творогов. – Ты только погляди – не жизнь, а раздолье! Да на что нам рай? Ведь сам государь Пётр Фёдорович нынче пожалует! Ты за ним вестового усрал?

– Усрал, не заботься, – ответил, ухмыльнувшись, Овчинников.

– Брякни мне кто раньше, что самого ампиратора встречать буду, дык ни в жисть не поверил бы! – нервно барабанил пальцем по столу, вещал Творогов. – У меня аж руки зараз чешутся. Так охота царя-батюшку самолично хоть пальцем коснуться.

– Тише, братья! – проговорил Овчинников.

Все притихли.

– Мы, слуги государевы, – продолжил Андрей, – договорились о наших делах. Чтоб перед ампиратором рылами в грязь не ударить, его встретить надо как полагается!

– Ждём, ждём государя мы! – восторженно воскликнул Творогов. – И встретим, как подобает евоной особе! А может, отрядить ещё казаков ему навстречу?

– А что, государю сея почесть по сердцу придётся, – согласился Овчинников, успевший хорошо изучить Пугачёва.

Несколько илецких казаков тут же оказались на ногах и бросились заряжать для салюта ружья.

– Ты бы сам с ними съездил, Иван, – теперь уже Овчинников дружески саданул по плечу Творогова. – Зараз в почёте у государя окажешься. Поезжай сейчас же, не тяни время!

– Еду! – воскликнул возбужденно тот, засияв от счастья. – О Господи, не дай мне перед царём зараз осрамиться!

– А вы, люди добрые, – обратился Овчинников к казакам и казачкам, – не теряйте зазря головы! Государь не любит, с дороги устав, жалобы выслушивать да склоки разбирать. Надо, чтоб порядок был во всём и веселье!

В это время два казака сняли с вертела поджарившегося боровка и принесли его на стол.

– Казаки! – крикнул Андрей, настроение которого сразу же улучшилось. – Я вижу, что вы с добром ожидаете государя! Жаль, что нам придётся обождать ещё маленько, а у меня аж нутро сводит. Спасибо Господу, что он послал нам на пищу этого вот боровка!

– Господу-то спасибошки раздаёшь, только вот боровка не он прислал, а у аспида Портнова забрали! – загоготали илецкие казаки.

– У атамана вашего? – уточнил Овчинников.

– У бывшего, – ответили казаки.

В это время за крепостной стеной прозвучали выстрелы. Туман растаял, а на небе ярко светило солнце.

– Вот и всё. Дождались мы ампиатора!

Овчинников поднялся, выпрямился, глаза загорелись, и, махнув, как саблей, рукой, командовал:

– Вперёд, казаки, за ворота! Только хлеб да соль поднести ампиатору не забудьте!

* * *

Встречать «самодержца» за ворота вышло всё население городка. Повсюду толпились люди. ЕДЕТ ЦАРЬ! ЕДЕТ ЦАРЬ! У ворот выстроились старики, а перед ними красивая молодая казачка, державшая на расшитом полотенце краюху свежего хлеба и солоничку.

– Слышь, Никифор? – обратился один из встречающих казаков к стоявшему рядом. – Только погляди, как шумно его приветствуют. Все зараз веселы, будто Масленица на дворе. А у меня чтой-то на душе кошки скребут. Станет ли день этот для всех нас поистине счастливым?

– А кто его знат, – пожал плечами Никифор. – Поживем – поглядим!

– Царь! Царь! – пронеслось в толпе.

Тем временем войско Пугачёва не спеша приближалось к воротам городка. Впереди ехал сам «государь». За ним его «свита». Чуть поодаль следовала сотня казаков со знамёнами. Далее двигалась вторая сотня, а за ней третья и четвёртая. Ни одного пешего в войске не было.

Конь под «царём» гордо, как и седок на нём, покачивал головой. Встречающие с любопытством присматривались к «ампиатору». Не высок, не низок, в плечах широк, а в талии поджар. Круглое лицо в густой чёрной бороде с лёгкой проседью; волосы подрублены по-керjackи, под горшок, на лоб зачёсана подстриженная чёлка. Глаза тёмные, жаркие, колючие. «Царь» был одет в бешмет из верблюжьей шерсти, подпоясанный кушаком, на голове мерлушковая шапка с красным напуском.

Пугачёв как влитой сидел в своём высоком с острыми луками седле с таким видом, будто всё это торжество ему неприятно, утомительно, и только время от времени надменно поднимал голову, как обычно делают люди, желающие казаться намного весомее, чем являются на самом деле.

Перед воротами «царь» остановил коня. Загремели выстрелы. Казачки поднесли ему хлеб-соль. В круг, образовавшийся около «государя», вступили Андрей Овчинников и Иван Творогов.

Кашлянув раз-другой, Творогов низко поклонился:

– Милости просим в наш городок, твоё ампиаторское величество!

«Царь», как ни казался строгим, не удержался от улыбки, кивнул и протянул руку для лобзания.

Творогов начал беспокойно моргать.

– Просим к столу, – поцеловав протянутую руку, продолжил он, смутившись. – Отведайте кушанья нашего, гости дорогие!

«Государь» был очень доволен оказанной ему встречей, но умышленно держал себя в рамках. Подняв руку, он милостивой улыбкой поприветствовал собравшихся, попробовал

хлеба и соли. Продолжая играть свою «августейшую» роль, Пугачёв поскакал сопровождаемый «свитой» через распахнутые ворота в городок.

А несчастный Иван Творогов так и остался стоять с разинутым ртом, пока толпа не увлекла его за собой.

Проскакав по городку взад-вперёд, Пугачёв наконец остановил коня на площади возле накрытых столов. Горожане тут же оказались рядом, открыто ликую и выкрикивая приветственные фразы, полные почитания и восторга.

Пугачёв вначале с превеликим удовольствием смотрел на всё, что делалось вокруг. Ничего подобного он в жизни не видел. Но, когда «приветствия» стали затягиваться, он обратился к стоявшему рядом Овчинникову:

– Я жрать хочу, Андрюха! Командуй всем за столы, а всё остальное уж опосля...

В добром расположении духа, надрывая глотки, угощался народ в Илецком городке. Жарили поросят, овец, пили вино сколько душе угодно. Во главе стола восседал «ампиратор» Емельян Пугачёв. Сегодня он был необычайно весел, чёрные глаза горели, в нём, казалось, играла каждая жилка. Тут же сидели Иван Творогов, атаман войска Андрей Овчинников, Иван Зарубин-Чика, Егор Бочков, писарь и дьяк Иван Почиталин и другие казаки из «свиты государя».

На длинном столе стояло блюдо с дымящимся барашком. В глиняных кувшинах пенилось вино. Языки у хозяев и гостей развязались, они чокались, пили, отпускали различные шутки.

Пугачёв говорил мало, а пил много. Вдруг он вскочил:

– Ну и знатный пир вы мне уготовили, хозяева дорогие! Просто диву даюсь! Уже скоро завсегда эдак праздновать будете – слово царское даю!

– А мы и не сумлеваемся, государь! – встав со своего места, сказал, выражая мнение всех, Иван Творогов.

– А войско моё как, сыто али голодно? – посмотрел на него в упор Пугачёв.

– Все сыты, государь, хвала Хосподу! – поспешили его заверить жители городка.

– А почто я не зрю за столом атамана вашенского Лазаря Портнова? – загремел Пугачёв. – Почто он меня, ампиатора своего, чурается?

– Государь, не могёт он быть средь нас, – вскочив, сказал Овчинников.

– Он что, захворал али преставился? – нахмурился Пугачёв.

– Ополоумел Лазарь и вас, государь, самозванцем обозвал! – ответил Творогов. – Вот его и того зараз...

– Чего это «того»? – не «уразумел» ответа «государь».

– Заперли мы его до прихода вашего, – ответил Андрей Овчинников. – Может, одумается мыслили, куда времячко есть.

– Вы правы, братья! – расцвёл широкой улыбкой Пугачёв, отпив немного вина. – Давайте покуда жрать да пить. А когда вдоволь насытимся, тогда и с Портновым зараз покалякаем!

Пир продолжался до позднего вечера, а когда стемнело, «государь» допил из чаши вино, поставил её на стол и приказал:

– Лазаря тащите пред очи мои! Хочу зараз на отступника полюбоваться и о многом его пообспросить.

Казаки привели Портнова и поставили его перед «царём» на колени.

– Ну и почто сапожки мои не лабзашь, Лазарь? – пьяно ухмыляясь, спросил Пугачёв. – Али всё ещё сумлеваешься, что ампиатор я?

– Нет, не сумлеваюсь уже, батюшка, – низко кланяясь, пробормотал бледный от страха атаман.

– Тогда целуй сапоги мои да прощеньеце себе вымаливай! – Пугачёв развалился в кресле и вытянул вперёд правую ногу.

– Нет, ни ног, ни рук твоих лобзать не буду, – неожиданно заупрямился Портнов.

– Почто эдак? – нахмурился «государь», начиная гневаться.

– Не буду – и всё тут. Пущай и царь ты оживший, но сумлеваюсь я в том!

– Сумлеваешься? Почто так? – подался вперёд Пугачёв.

– Потому, что он сам «царём» был здесь, – бросив взгляд на притихшую толпу горожан, взял на себя смелость ответить за всех Иван Творогов. – Атаман наш, Лазарь «преподобный», обвык обходиться с нами, как господа в усадьбах со своими крепостными. А мы, почитай, казаки все и люди вольные! Ежели бы вы только всё выслушать об его злодействах пожалали, государь...

– Говори! – потребовал Пугачёв, грозно сдвинув брови.

Живо, не выбирая слов, Творогов изложил все обиды горожан на своего атамана и закончил так:

– Вы слышали, государь, всё, что у нас накопилось на злыдня этого. Мы умоляем вас о суде над ним! Вы же ампирактор наш и можете судить лихоимцев, невзирая на их лики ангельские. Вот мы, прямо сейчас, просим вас о помощи и справедливости! Окажи нам честь великую и покарай Лазаря, бессовестного кровопивца. Верни нам, государь, наши права и вольности, не побрезгуй?

– А ты что, язык проглотил? – спросил Пугачёв, глядя на поникшего у своих ног атамана. – Аль взаправду ты изверг эдакий? А может, люди что напутали? – насмешливо промолвил он, поглаживая бороду.

– Брешут они, собаки паршивые, – попытался защитить себя Портнов. Но на этой фразе его красноречие и иссякло. Ком подступил к горлу, и он был больше не в силах вымолвить хоть слово.

Толпа горожан загудела, заволновалась. И если бы не присутствие самого «государя», они разорвали бы атамана в клочья.

– Знать, судить тебя сейчас буду, Лазарь, – грозно посмотрел на него Пугачёв. – Уж не взыщи, коли строг буду я и мой приговор!

– Ты не вправе меня судить, – наконец выдал из себя Портнов, к которому, перед лицом приближающейся смерти, вдруг вернулась его былая отвага. – Ты не царь, а самозванец. И я не признаю твоего закона!

– Знать, эдак ты, – вздохнул Пугачёв. – Видать, не брешут люди и не оговаривают тебя зазря!

Толпа горожан одобрительно зашумела.

– Выходит, смертушка к тебе зараз пришла, Лазарь. Вот к ней прямо сейчас и готовься!

Пугачёв поискал взглядом Давилина и кивнул ему. Тот в свою очередь ткнул локтем стоявшего рядом Прохора Бурнова, с недавнего времени занявшего «пост» войскового палача.

– Слышал веленье ампирактора? – спросил полушёпотом Давилин.

– Слышал, – так же тихо ответил Бурнов.

– Тогда чего сопли жуёшь? Исполнивай немедленно волю государеву!

* * *

На время пребывания в Илецке Пугачёв поселился в избе Ивана Творогова. Ему отвели большую комнату, в которой обычно проживал сам хозяин дома. Конечно, она не походила на «царские палаты», однако, находясь в ней, было сразу видно, что это изба вполне состоятельного казака.

Чисто выбеленная, с деревянным потолком, с двумя окнами, пропускающими много света, комната казалась очень уютной. Задний угол занимала большая русская печь. В переднем углу было подвешено несколько икон в богатом окладе. А под ними день и ночь светила

серебряная лампадка. Тут же на стене висела шкура бобра¹, а на ней тяжёлое ружьё – в то время бесспорный признак достатка.

И сегодня тут были шумные весёлые гости. Праздник по случаю взятия Илецкой крепости продолжался уже третий день.

Пугачёв, как и подобает сану, возглавлял стол. Справа от него сидел Андрей Овчинников, русоволосый, курносый с подстриженными усами, серыми глазами, широкими бровями; он глупо ухмылялся, так как был уже в стельку пьян. Слева от «государя» восседал Иван Зарубин-Чика. Чернобородый, с тёмно-бронзовым, как у цыгана, лицом; нос большой, с горбинкой, глаза быстрые, озорные. Громкоголосый, весёлый и никогда не унывающий. Рядом Лысов. Это был белый как лунь, но ещё не старый казак. Лысов уже успел набраться и спал за столом, уложив голову на руку.

Сразу за Овчинниковым сидел Максим Горшков, высокий, сутулый, сухой, неопределённого возраста казак. Русоголовый, рыжеусый, а судя по носу...

Напротив «ампиратора», на другом конце стола, сидел сам хозяин дома Иван Творогов. Он не спускал глаз с Пугачёва, стараясь предугадать любое его желание.

Уже не менее десятка раз прошёлся по кругу кувшин с брагой. Жена хозяина дома, Стеша Творогова, даже со счёту сбилась, сколько раз ей приходилось спускаться в погреб. И потому неудивительно, что о дальнейших планах «ампиратора» говорили не полушёпотом, а кричали во всё горло.

– Кто бы мог только помыслить, что комендант яицкий, подлюга Симонов, не испугается нашего войска! – выкрикивал пьяно Чика. – Но ничего, я ещё доберусь до него!

– Доберёшься, только сейчас уймись, – ухмылялся Овчинников. – Мы ещё и до Катьки, жёнки государевой, доберёмся!

– Нет, кто бы мог только подумать, – Зарубин вскочил, в приступе ярости высоко вскинул голову и рубанул рукою воздух. После этой пьяной выходки он опустился на табурет, выпил залпом бокал медовухи и обвёл присутствующих победоносным взглядом.

– Хе! Они ещё у нас все зараз попляшут! – заметил пьяно Максим Гаврилов, с размаху ударив рукой по колену. – За все страдания государя нашего зараз все поплатятся, язвы им в души!

– Пора бы не ласы точить, а о деле подумать, – хмуро заметил самый трезвый из всех Бочков. – Мы куда здесь гуляем, а в Рассыпной уже поди к бою готовятся.

Пугачёв всё это время сидел точно истукан. Вытянув под столом ноги, он только водил пальцами по его краю, сопровождая каждый выкрик одобрительным кивком. При этом он сильно потел и то хмурил, то раздвигал брови – явный признак того, что «государь» упорно о чём-то размышляет. Наконец он произнёс:

– Давайте выпьем за полковника Ивашку Творогова! Мы на Рассыпную завтра двинем, а он здесь комендантом гарнизона остаётся!

Пирующие тут же подхватили чаши и с криками «любо» опрокинули их в себя до дна.

Иван Творогов в сильнейшем волнении вскочил с места и бросился в ноги «государя».

– Спасибочки за доверие, батюшка! – воскликнул он. – Ей-богу, оправдаю его многократно!

– Верю, верю, – улынулся снисходительно Пугачёв. – Ты с колен-то встань и обскажи, что там у нас с пушками творится.

– А что? – не понял новоиспечённый полковник, вытаращив глаза. – Пушки все зараз собраны и к применению готовы!

– Скоко их? – спросил Пугачёв.

– Пятнадцать.

¹ Бобр – тигр (ст. рус.).

- А годных к бою только десять, – едко высказался Бочков.
- Зато четыре из чистой меди! – огрызнулся Творогов.
- А ещё у трёх лафетов нету, – ябедничал Бочков, сделав вид, что не замечает враждебного взгляда хозяина дома.
- Дык разве в том дело, – вступил в разговор Андрей Овчинников. – У нас в войске казак есть, Федька Чумаков. Знатный знаток дела батарейного. Он зараз всё отладит и починит!
- Велю назначить его начальником всей войсковой батареи, – глядя на Овчинникова, распорядился Пугачёв.
- А давайте-ка за это и жажнем! – крикнул радостно Чика, схватив кувшин и едва не расплескав брагу по столу.
- Всё, будя! – встав из-за стола, строго сказал «ампиратор», едва державшийся на ногах. – Все на боковую! Спозаранку в баньке ополоснёмся и айда на Рассыпную! Прошу не запоминать, что делов у нас ещё непочатый край – поле непаханое!

Андрей Овчинников и Иван Зарубин-Чика не спеша прогуливались по городку. «Свита» Пугачёва давно спала. А эти двое укрощали в себе желание, требующее продолжения попойки.

Над головами казаков ярко сияла луна. От лунного света все предметы вокруг стали рельефнее, и это ещё более подчёркивало тишину, в которую были погружены избы спящего городка. Неожиданно залаяли собаки...

- Может, возвернёмся? – предложил Чика. – Я уже и вздремнуть бы не прочь.
- Овчинников не ответил. Он вертел головой вокруг, не узнавая местности. Ночь придавала городку непривычный вид, и трудно было разобраться, где они.
- Что, боишься заблудиться? – ухмыльнулся Чика.
- Ещё чего, – беззлобно огрызнулся Овчинников. – Чудно всё как-то. Днём сколько разочков здесь хаживал, а вот ночью чудится, будто бы и не был здесь ни разочка.
- Ну что, айда на боковую, как ампиратор приказал, – предложил уже настойчивее Чика. – Завтра на Рассыпную двинем. Отдохнуть чуток надо б.

Овчинников то ли не расслышал, то ли не захотел ответить. Он остановился перед старым осокорем, росшим возле церкви, на суку которого висел разутый и полураздетый атаман Лазарь Портнов.

Словно что-то вспомнив, Овчинников заскрежетал зубами, его душила вдруг охватившая злорада. Резко обернувшись, он в упор посмотрел на Чика, который, зевая, с равнодушным видом разглядывал повешенного атамана.

- Ты зришь этого мертвяка, Ивашка? – спросил он.
- Зрю, и что с того? – сонно ответил тот.
- А фамилию евоную помнишь?
- Не запомнил ещё. Лазарь Портнов, кажись.
- Вот именно Портнов, мать его, – подчеркнул Овчинников.
- Обожди, а тебе-то что с того? – заинтересовался Чика. – Теперь-то кака разница, какая у него фамилия?
- Ты того паскуду помнишь, с кем я ещё на умёте Толмачёвском бодался?
- Супостата того, что государя прилюдно лаял?
- Его самого.
- И что с того, что не запомнил я его?
- Дык он тоже Портновым из Илецка назывался!
- Ну назывался, и что с того?
- Только он Ярёмой назывался, а этот вот висельник – Лазарем!
- Может, сродственники они. И что с того?

– Чего ты заладил – «что с того» да «что с того», – обозлился Овчинников. – Я тогда зараз усёк, что лазутчик Ярёма тот грёбанный! Сейчас вот прямо пойду, сыщу его и башку зараз отсеку по самые плечи!

– Фу, да не петушишься ты, Андрюха, – поморщился Чика. – Его уже нет среди нас.

– Как это нет? – округлил глаза Овчинников.

– Эдак вот и нет, – вздохнул устало Чика. – Когда по нам из пушек возле Яицка лупанули, дык и не возвратился он в войско наше боля.

– Что, погиб? – нахмурился Овчинников.

– А кто его знает, – пожал плечами Чика. – Об нём и не вспоминал боля никто. – Даже вон ты, атаман войсковой, и то только сейчас от меня услышал, что нету казака в войске!

– Ладно, айда дрыхнуть, – буркнул пристыжённый Андрей. – Эх, жаль, что я тогда его сабелькой не обезглавил и в лапшу не искрошил.

Глава 2

Много гостей съехалось на торжества по случаю годовщины коронации императрицы. Улица и двор у губернаторского дома не могли вместить экипажи, которые доставили на бал господ.

По личному приглашению генерала Рейнсдорпа пришёл и Александр Прокофьевич Артемьев со своим управляющим Безликим.

Огромные залы наполнились шумом, а по блестящим от воска полам расхаживали гости в лаковых туфлях, в шёлковых чулках, в расшитых бархатных кафтанах и белых париках. Со всех сторон слышалось шуршание шёлковых шлейфов дам, которых сопровождали важные кавалеры.

Торжественный приём затянулся до ночи, столы ломились от яств, выпитое вино побуждало к танцам и играм. Здесь были роскошь и изобилие, шум и веселье, музыка и танцы...

Граф Артемьев, изболевшаяся душа которого не воспринимала веселья, с Безликим, майором Курбатовым и капитаном Бурцевым перешли из танцевального зала в библиотеку. Здесь, опустошая бутылки выдержанного вина, вели непринуждённую беседу. Глаза искрились, лица покраснелись, беседа лилась живо и легко. Громче других разглагольствовал уже изрядно подвыпивший Курбатов. Положив ногу на ногу, майор оживлённо рассказывал различные истории из военной жизни, которые он считал крайне смешными и вполне уместными. Он прерывал свою речь лишь для того, чтобы опрокинуть в себя очередную порцию вина, после чего продолжал хвастливые рассказы.

– Целый день мы прождали пруссаков в засаде, – вещал майор Курбатов, подкрепившись очередной порцией прекрасного вина. – Кругом лес, и лишь одна едва заметная дорожка пробегаёт сквозь него. Мы уже все жданки прождали, а пруссаков всё нет и нет. Спрятался я за осину, приготовил ружьё и приказал отряду стрелять только по моему приказу. Когда наступило утро и плотный туман опустился на лес, вдруг послышался отдалённый шум. Сомнения не было – идут пруссаки. Я взял ружьё на изготовку. Мои солдаты сделали то же самое. Вот из тумана показались первые ряды неприятельского отряда. С трудом, но мне удалось разглядеть их кивера, мундиры и ружья, которые они несли не на плечах, а держали в руках наготове. Впереди шёл офицер: он держал в руках по пистолету на изготовку. У меня затрепетало сердце и забурила кровь. Подожди же! Прицелился, нажал курок. Грянул выстрел. Офицер что-то выкрикнул и рухнул навзничь. И тут загревели выстрелы моих солдат. Пруссак валился наземь, как скошенная трава. Но следом за первым в лес вошёл второй отряд противника, за ним и третий. Пруссак быстро пришли в себя и заняли оборону. Они вскинули ружья, и тысячи пуль полетели в нашу сторону. Я даже слышал их визг, слышал, как падают на землю отстрелянные ветки с деревьев. Пруссак произвели второй залп. Несколько пуль впились в ствол дерева, за которым прятался я. Одна из пуль сразила моего денщика. Он тут же и умер. Но и мои солдаты продолжали стрелять. Их пули наносили большой урон отрядам противника.

Затем пруссаки выстроились рядами и пошли на нас в атаку. Первых мы уложили, но за ними шёл второй ряд, затем третий... Я приказал солдатам отступать на свои прежние позиции. Но было уже слишком поздно! Путь к отступлению отрезали. Мои солдаты разбежались по лесу. Ну а я надёжно спрятался в кустах, у берега реки. Но вскоре, к несчастью, я убедился, что моё временное убежище не настолько надёжно, как мне казалось...

– Тебя сцапали пруссаки, – поддел майора капитан Бурцев, скужающий вид которого говорил, что эту историю он слышит не впервые.

– Андрей Макарович, – повернулся к нему Курбатов. – Почему вы взяли за привычку пребывать меня на полуслове?

– Прошу меня простить, Антон Семёнович, – довольно улыбнулся капитан. – Просто эту вашу историю знает весь Оренбург. Точнее, все его жители. И, видимо, графу Артемьеву она тоже известна.

Офицеры посмотрели на озабоченное лицо Александра Прокофьевича, который делал вид, что слушает болтовню майора, а сам тем временем сосредоточенно размышлял о чём-то своём.

– Давайте выпьем, господа! – предложил Безликий, наполняя бокалы вином. – Лично мне эта история показалась захватывающей и пришлась по душе. И, между прочим, господа, я слышал её впервые!

– Вот видишь! – воскликнул майор, торжествуя. – Тогда послушай, милейший Андрей Макарович, как я угодил в плен к пруссакам и как из него бежал.

– Лучше бы вы всем нам рассказали о своём забавном приключении с женой мясника, – предложил Бурцев. – Там действительно есть над чем посмеяться, хотя и эту байку я тоже услышу не впервые!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся жизнерадостно Курбатов. – А почему бы и нет? Это очень позабавит Александра Прокофьевича и господина, э-э-э, – видимо, забыв фамилию, майор посмотрел на Безликого.

– Андрей Соболев, – вежливо напомнил тот.

– Вы должны послушать эту чушь болотную, господин Соболев, – поправился Курбатов. – Её тоже все горожане уже выучили наизусть, но для тех, кто не слышал, рекомендую набраться терпения.

– Жаль, что муженька этой красотки нет сейчас с нами рядом, – расплылся в улыбке Бурцев. – А он, как я слышал, весьма ревнив и тяжёл на руку.

– К тому же он туп как пробка и спит так крепко, что залпом из пушек не разбудишь! Ха-ха-ха...

– А ты её ублажал, когда она спала рядом с мужем в постели? – очередной раз поддел весёлого майора Бурцев.

– А то ты не знаешь. Ты же все мои истории наизусть выучил? – парировал майор.

В библиотеку вошёл стройный молодой офицер – адъютант губернатора. Он был бледен и, видимо, взвинчен до предела.

– Что принёс нам новенького, милейший Павел? – обратился к нему капитан Бурцев.

– Налейте мне лучше побольше вина, господа, а потом уж и расспрашивайте, – угрюмо бросил поручик и, покосившись на графа Артемьева, устало присел.

– Судя по твоему виду, мир вокруг нас уже провалился в тартарары, – невесело пошутил Курбатов.

– Да по мне, господа, лучше бы он туда и провалился, – в сердцах воскликнул офицер, беря бокал с вином из рук Бурцева. – Сегодня ещё один гонец прибыл с вестями об изменнике Пугачёве!

– Он ещё в доме? – оживился Безликий.

– Да, его кормят сейчас на кухне, – отпив несколько глотков, ответил адъютант. – Но коня ему уже седлают. Как брюхо набьёт, так сразу и ускачет.

– И чем дурны вести, привезённые гонцом? – любопытствовал граф Артемьев с видимой заинтересованностью.

– На первый взгляд ничего особенного, – нахмурился адъютант. – Именно так отозвался о донесении его высокопревосходительство. Только вот я думаю об этом иначе.

– Иначе? А это как, позвольте спросить?

– Пугачёв и его шайка захватили Илецк! – ответил графу и всем остальным поручик. – Лично я считаю, что это бунт черни, а не то, что можно назвать «ничем особенным»!

– Надеюсь, вы не шутите, милейший Павел? – побагровел майор Курбатов.

– Какие тут шутки, – воскликнул нервно адъютант. – От таких шуток скорее распахнешься, нежели расхохочешься.

– Так уж всё плохо? – дождавшись своей очереди, спросил граф.

– Достаточно ясно ответить на этот вопрос я не могу, – пожал плечами адъютант и допил вино. – Думаю, что хуже и быть не может. Тот факт, что Пугачёв осмелился казнить илецкого атамана, как мне кажется, говорит о многом. К тому же, пока мы здесь развлекаемся на балу, самозванец весьма возможно уже штурмует Рассыпную!

Он выпил залпом ещё бокал вина, который учтиво подал ему капитан Бурцев, и горько вздохнул:

– Ещё прошлый раз я говорил Ивану Андреевичу, что...

Молодой офицер встретился взглядом с графом Артемьевым и тут же замолчал.

– Так что, уже ранее сообщалось о «безобразиях» Пугачёва? – живо поинтересовался граф, продолжая сверлить сконфузившегося адъютанта пронзительным взглядом.

– Было дело, – ответил за поручика майор Курбатов. – Комендант Симонов не раз присылал с донесением нарочных, когда Емелька со своей шайкой к Яицку подбирался.

– И что? Почему Иван Андреевич как губернатор не принял соответствующих мер? – упрямо наседали с вопросами граф.

– А уж это вы у него сами спросите, ваше сиятельство, – вступил в разговор капитан Бурцев. – Гонцов губернатор принимал, но не придавал привозимым ими сведениям должного значения. Однажды гонец прибыл и, как оказалось, «не вовремя». Иван Андреевич день рождения супруги отмечал. Бал, гости... Всё, как и сегодня! Гонец ему рассказал, что Пугачёв себя царём Петром Фёдоровичем называет и тем самым задурил головы казакам. А губернатор к тем весьма грозным вестям отнёсся как к милой шутке...

– Пока генерал развлекался, – продолжил майор Курбатов, – Емеля бунт развязал, пообещав казакам волю вольную и жизнь развесёлю!

– Наверное, не так прост Пугачёв, раз казаки поверили ему на слово, – покачал головой граф. – А это может означать только то, что самозванец – серьёзный и опасный противник.

– Да что он может? – крикнул адъютант, у которого винные пары в голове разбудили чувство уязвлённой гордости. – Да он всего лишь простой казак! Да у него мозги куриные!

– Если у кого мозги куриные, так только не у Пугача, – ухмыльнулся Бурцев и выразительно посмотрел на дверь библиотеки. – Вот он ещё пару-тройку крепостей захватит, тогда в его значимость и умение все поверят!

– Пока Иван Андреевич раскачается, Пугачёв силой обрастёт, – посетовал адъютант. – К нему голытьба со всех краёв толпами валит, и войско его разбойное не по дням, а по часам растёт!

– И эти сведения гонец привёз? – спросил граф.

– А кто же ещё. Он самый, – ответил раздражённо поручик.

– Господа, да пусть всё к чертям катится, – откупоривая очередную бутылку, наигранно весело крикнул Бурцев, желая отвлечь погрузневшую компанию от мрачных мыслей. – Поддержается Пугач, спесь собьёт, да и поостынет. Содержать войско деньги нужны. Много денег. Очень много! Грабежами и разбоем столько не заработаешь!

«Он их уже заработал, уважаемые господа! – с тревогой подумал граф. – Флоран и Анжели подсустились, сволочи!»

Александр Прокофьевич вдруг вспомнил намёки пленённых им в подвале шляпного салона французов, их подозрительную дружбу с яицкими казаками. Теперь ему стало ясно, для каких целей должно было послужить золото, которое он обнаружил в бочонках и которое французы с казаками хотели вернуть. А вслух он сказал:

– Деньги у Пугачёва есть. У него много денег, поверьте мне, господа. Их настолько много, что хватит не только содержать огромную армию, но и перевернуть с ног на голову всю Россию!

– Где же он смог их раздобыть, Александр Прокофьевич? – с плохо скрываемой тревогой в голосе поинтересовался поручик, у которого вытянулось и побелело лицо.

– Я не знаю, а всего лишь предполагаю, – уклонился от честного ответа граф, не желая посвящать временных собутыльников в свои тайны. – Всё очень просто, господа. Если бы самозванец не мог содержать войско, то не решился бы на такую отчаянную авантюру.

– Но где он мог их раздобыть? – всё ещё недоумевал майор Курбатов. – Даже тысячи рублей не хватит, чтобы...

– Господа, мы пить будем или нет? – снова крикнул Бурцев, пытаясь отвлечь всех от неподходящей случаю беседы. – Мы сейчас что, к смерти готовимся или пришествие императрицы на престол празднуем? Придёт то время, когда мы сцапаем Пугача, вот тогда он нам скажет, где нацыганил столько много денег!

– Столько не украдёшь и не отнимешь, – вздохнул Курбатов, берясь за бутылку и вытягивая из неё пробку.

– Украсть и отнять нельзя, а вот одолжить можно, – взболтнул Безликий. – У «хороших» людей денег много.

Встретившись с укоризненным взглядом графа, он тут же прикусил язык и замолчал. Но его реплики, к счастью, никто не услышал.

Подвыпившая компания пришла в уныние. Всем стало ясно, что продолжение веселья не получится.

– Будь я на месте губернатора, немедленно взялся бы за укрепление города, – сказал, вставая, адъютант. – А ещё...

Поручик вдруг умолк и покраснел. В дверях стоял генерал-губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп.

Вид у него был не генеральский и тем более не губернаторский. Иван Андреевич невысокого роста и с круглым брюшком. Ножки тонкие, в длинных чулках, башмаках и серого цвета атласных кюлотах. Такой же, со срезанными полами кафтан, расшитый серебряной травкой. На кафтане – звезда, кресты, медали... Яйцеобразное раскрасневшееся от выпивки лицо губернатора было маловыразительно: преобладали черты туповатости, чванства.

– Опять ты, молодой болтун, мелешь вздор? – строго прикрикнул он на вытянувшегося в струнку адъютанта. – Сам трус, баба, да ещё других запугиваешь? Зачем везде трезвонить? А вы напрасно его слушаете, господа! – добавил он более сдержанным, но не менее строгим тоном, обращаясь ко всем присутствующим.

Графу Артемьеву было жаль юношу, которого, впрочем, заслуженно отчитали за его болтливость. Но он не смог удержаться от улыбки при виде того, как губернатор нёс себя от двери к столу. Он шёл как бы на цыпочках, прижав локти к бокам, оттопырив мизинцы и слегка повиливая бёдрами. У стола Иван Андреевич приостановился, вскинул к глазам лорнет, через который осмотрел каждого из присутствующих в библиотеке. Приветливо улыбнувшись графу Артемьеву, губернатор заговорил:

– Что вам успел наплести этот трусливый заяц, Александр Прокофьевич?

– Он был краток, но, думаю, что сказал только правду, – глядя ему в глаза, ответил граф. – Юноша беспокоится о городе, справедливо считая Пугачёва коварным и опасным врагом. Этот посланник, навестивший вас только что, вероятно, ничего обнадеживающего вам не принёс?

– Ничего скорбного он тоже не привёз. И я не вижу причин для беспокойства. Вельгельм-мьян Пугатшофф всего лишь самозванец и разбойник. Я распорядился выслать в Татищеву крепость барона Билова с отрядом. Он и надерёт самозванцу задницу!

Странная усмешка искривила губы губернатора.

– Всего лишь отряд? – одновременно удивились присутствующие.

– Достаточно, чтобы разгромить Вельгельмьяна и притащить его в кандалах ко мне!

– Да его разбойники этот отряд одними шапками закидают! – воскликнул возмущённо майор Курбатов, осмелев от выпитого.

– Не извольте беспокоиться, Антон Семёнович! – глянул на него через свой лорнет губернатор. – Барон знает своё дело! Он разнесёт в пух и прах мерзавцев!

– Но это невозможно! – крикнул Бурцев.

– Молчите, капитан, а то я и вас назову трусом! – погрозил ему холёным пальчиком Рейнсдорп. – Пусть численность отряда вас не заботит. Предоставьте это мне. Барон Биллов опытный военачальник и воюет не числом, а умением!

– Я и не боюсь, ваше превосходительство! – поспешил ответить Бурцев. – Просто мне почему-то тоскливо.

– И скучно, – поддержал его, вздохнув, Курбатов.

– У страха глаза велики, – сказал губернатор, беря графа Артемьева под руку. – Мужичья дерзость – вот всё, на что эти грязные казаки способны. Дурачье и невежи! Нашли себе в атаманы беглого каторжника, осмелившегося назвать себя царём, и думают, что с ним горы свернуть смогут!

– А если смогут, Иван Андреевич? – спросил граф.

– Тогда мы всех их переловим, перевешаем и снова наступит полное спокойствие, – холодно ответил губернатор.

Разговор оборвался. Безликий, подавив зевок, посмотрел на Александра Прокофьевича. И в это время в библиотеку вошёл слуга, чтобы сообщить о поданном ужине.

– Прошу вас, ваше сиятельство, – не отпуская руки графа, направился к двери губернатора, увлекая его за собой.

Александр Прокофьевич молча шёл с ним рядом. Слова Рейнсдорпа не выходили у него из головы.

Даже за столом граф был занят своими мыслями и не произнёс почти ни единого слова, а после ужина он сразу засобирился домой.

* * *

Граф Артемьев и Безликий распрощались с Иваном Андреевичем, его супругой и вышли на улицу. Александр Прокофьевич шагал молча, уносясь мыслями куда-то очень далеко.

Безликий шёл рядом и то и дело поглядывал на графа, как бы ожидая, что он скажет. Но Александр Прокофьевич молчал, словно не понимая этих вопрошающих взглядов.

Печальным было их возвращение домой. Никто из них так и не произнёс ни звука. И вдруг, уже на подходе к шляпному салону, неожиданно раздался спокойный голос графа Артемьева:

– Это конец. Если Пугачёв, не дай Бог, узнает, какой в Оренбурге губернатор, то он захочет взять город немедленно, не затрачивая особых усилий...

Глава 3

Быстрее ветра комендант Яицка Симонов мчался в городок на своём вороном коне. В его сердце бушевала буря и шевелился страх. Ночью вдалеке от Яицка в это беспокойное время скакать по степи одному было крайне неразумно и опасно. И вот он уже скачет по лесу. До городка не так уж и близко, а тут...

– Стой! – раздался из-за деревьев требовательный окрик.

Конь вздыбился и шарахнулся в сторону. Из-за дерева метнулась тень и схватила коня за уздечку.

– Это я тебя на встречу вызвал, комендант! – прокричал незнакомец. – Признаться, я и не надеялся, что ты приедешь. Храбрецов нынче заметно поубавилось.

– Это ты, Ярёма? – спросил Симонов, сойдя с коня и озираясь по сторонам.

– Я, а кто же ещё. А ты не сумлевайся, комендант.

– А почему ты вызвал меня сюда, да ещё ночью?

– Не шибко хотелось мелькать перед людьми зазря, – ответил Ярёма. – Слухи бы поползли да пересуды разные. А это нам обоим зараз не с руки!

– А я бы ни за что не приехал, если бы ты не передал мне письмо от...

– Ступайте за мной, – взяв его за руку, потянул за собою в лес Портнов.

– Куда ещё? – насторожился комендант, всё ещё чувствуя тревогу в душе.

– Там полянка есть, за кустами. Никто нас там не сыщет.

– Для чего? Ах, Господи, я же прочёл в письме для чего. Только не разобрал некоторых слов.

– Письмо промокло. Под ливень я попал и промок до нитки.

– Но почерк я узнал. Это рука...

– Пойдёмте, говорю вам, господин комендант. В лесу всё обсудим, – прошептал горячо Ярёма. – Тут не место о делах говорить. Могут и лазутчики Емельки-самозванца зараз объявиться.

– Постой, что-то мне не нравится твоя настойчивость, любезный? – забеспокоился Симонов. – А не в засаду ли ты меня заманиваешь?

– Ни слова! Ступайте за мной! – настойчиво и властно потребовал Портнов и сам шагнул в лес. Коменданту ничего не оставалось, как набраться храбрости и последовать за ним, ведя под уздцы коня.

Они вышли на просторную поляну, посреди которой теплился небольшой костёр. Симонов привязал коня к ветке, Ярёма бросил свой факел в костёр. Оба уселись на траву друг перед другом.

– Надеюсь, мне незачем повторять то, что написано в письме? – спросил Портнов, глядя на тлеющие в золе угли.

– Я прекрасно помню, что в нём написано, – сердито буркнул комендант.

– В таком случае предлагаю обсудить все наши дальнейшие действия, а самое главное – ту помощь, которую вы собираетесь мне оказать?

– На какую помощь ты рассчитываешь, любезный, когда вокруг такое творится?

– Не спешите! Сейчас всё в порядке. Бояться нечего. В это время спят даже самые отъявленные злодеи и лазутчики. До утра нам ничего не грозит!

– Скажи мне, казак, – разглядывая заросшее бородой лицо собеседника, спросил комендант, – мы нигде не встречались с тобой раньше? Хотя бы в Оренбурге? Уж очень мне твой голос знаком? Как будто только вчера его слышал?

– Возможно, мы и встречались, – ответил загадочно Ярёма с горькой улыбкой, подперев подбородок.

– Казак, ты хочешь, чтобы меня задушило любопытство? – воскликнул Симонов.

– Давайте перейдём к делу, – продолжил Портнов, не обратив внимания на восклицание собеседника. – Мне во что бы то ни стало надо найти девочку! Только она одна сейчас интересуется меня и того, кто написал вам письмо!

– Так ищите, – прервал его комендант. – Я-то здесь причём?

– А вы мне подсобите, – сказал Ярёма. – Я слышан о вас много хорошего от графа Артемьева. Вы честный и благородный человек не только именем, но и сердцем! – подсластил он для верности пилюлю. – Александр Прокофьевич рассчитывает на вас. Да и на меня тоже.

– Но что могу я, скажите мне на милость? – заюлил, морщась, Симонов. – Я должен сейчас заботиться об обороне Яицка! Да, Пугачёв ушёл. Но он вернётся, уверяю вас!

– Вернётся, когда людьми обрастёт, – поправил Портнов. – Так что у нас ещё есть немного времени.

– Откуда ты раздобыл такие сведения? – удивился комендант.

– Да это знают все разбойники в округе, – ответил Ярёма. – Я сам слышал, когда самозванец говорил о том своим соратникам.

– А что говорил он ещё, скажи на милость? – спросил Симонов заинтригованно.

– Да много о чём...

И Портнов, пожав плечами, пересказал внимательно слушавшему собеседнику всё, что видел и слышал в лагере Пугачёва.

По тому, как хрустел пальцами и чертыхался комендант, нетрудно было догадаться, что рассказ Ярёмы произвёл на него сильнейшее впечатление.

– А теперь у него ещё и пушки появились, – заёрзал беспокойно, размышляя вслух, Симонов. – Он уже успел взять крепость Илецкую и казнить атамана. Кстати, у него тоже фамилия была Портнов? Не из родственников он твоих случайно?

– Седьмая вода на киселе, – увильнул от правдивого ответа Ярёма. – Однако мы отвлеклись, господин комендант, не так ли?

– Нет, мы определённо где-то встречались, – ещё пристальнее взглянул на него Симонов. – Вот только... Одет вот только ты был не как казак, а... Да и говор у тебя всё больше благородный, чем казачий.

Комендант понемногу успокоился. Весь этот разговор не укладывался у него в голове. Размышляя, он невольно посмотрел на Ярёму.

– Александр Васильевич! – сказал он. – Ведь вы адъютант губернатора – капитан Барков? Как же я вас сразу-то не узнал? Что за чудо? Ты прибыл из Оренбурга с письмом графа Артемьева! Ну конечно! Тогда почему...

Портнов молча опустил голову.

– Ты меня слышишь, Александр Васильевич? – напрягся комендант, боясь, что, может быть, всё-таки ошибся.

– Не спрашивайте меня, что да как, если узнали! – бросил тот угрюмо.

– Но для чего вы мне-то голову морочили, Александр Васильевич? – облегчённо вздохнул Симонов. – Разве ваше место здесь, а не при особе губернатора?

Барков безмолвствовал. Его охватило беспокойство, грудь высоко вздымалась, капитан недовольно поглядывал на коменданта, словно утратил к нему доверие. Наконец, подняв голову, он отчётливо произнёс:

– Мне необходимо найти дочь графа Артемьева, господин комендант. Для того я и здесь. Симонов вскочил и молча уставился на своего разоблачённого собеседника.

– Но это невозможно! – сказал он. – Если девочку привезли в Яицк, то её прячут. Не могу же я ходить по избам с обыском?! Настрой казаков вам известен. И если перегнуть сейчас палку, вы представляете, во что это выльется? Тогда самозванцу не надо будет обрастать людьми. Весь Яицк перейдёт на его сторону!

- Тогда надо придумать что-то эдакое, чтобы не злить казаков, – настаивал Барков.
- Но что? Что в данном положении можно придумать?
- Есть у меня мыслишка шальная на сей счёт, – ответил Барков с каким-то скрытым намёком. – Но она осуществима опять же только при вашей посильной помощи!
- Будь по-вашему, я помогу чем смогу, – сдался комендант. – Выкладывайте, что задумали, Александр Васильевич...

* * *

Барков не помнил, как выбрался из реки. Он также не помнил, как брёл по степи, пока не набрёл на казачью заимку одинокого старика. Ненастная погода не выпускала хозяина из избы. Он молча сидел на завалинке, прислушиваясь к завыванию ветра и покачивая головой, и беспрестанно посматривал на реку, словно ожидая, что она вот-вот успокоится и позволит ему воспользоваться ветхой, как и он сам, лодкой.

Удары вёслами по голове, которыми его щедро «наградили» казаки, пытаясь утопить в реке, не прошли бесследно для здоровья капитана Баркова. Он превратился в злого, холодного, строгого и даже чересчур строгого и требовательного человека. И в то же время он проявлял большую осторожность, только изредка покидая стены лачуги рыбака.

Старик замечал, что его постоялец, оставаясь наедине, подолгу расхаживает по избе и о чём-то угрюмо размышляет. Не раз украдкой наблюдая за ним, рыбак видел, как Барков вдруг хватался за край стола и, придя через минуту в себя, громкими выкриками проклинал головокружение. Постылец иногда жаловался на боль в висках и на то, что часто яркая радуга заволакивает всё перед глазами. А ночью он мог внезапно проснуться от того, что в глазах у него мелькали яркие молнии.

Жаловался Барков изредка, мельком, сердито, скрывая при этом, что по ночам его часто мучают кошмары. А рыбак умалчивал о том, что каждую ночь слышит, как стонет и кричит во сне его постоялец.

За день до своего ухода от гостеприимного старика Барков проснулся от сильной головной боли. Встревоженный рыбак стоял рядом с лучиной в дрожащей руке. Смахнув пот с лица, Александр Васильевич поморщился:

- Как долго я у тебя проживаю, старик?
- Почитай уже три недельки, сынок.
- А до Оренбурга от тебя далеко?
- Не близко. А вот до Яицка-городка рукой подать!

Барков вздрогнул и тут же спросил:

- А если быть точнее? За день дошагать можно?
- Да нету нужды ноги стаптывать, сынок. Я тебя и на лодке довезу, ежели пожелаешь.
- Это хорошая мысль. С утра и отплываем!
- Да рановато тебе, сынок, – сказал старик испуганно. – Слаб ты ещё.

Но Барков настоял на своём, и рано утром они отплыли на лодке в Яицк.

– На-ка вот, возьми за беспокойство, – капитан вложил в руку рыбака десять серебряных монет и сошёл на берег.

– Ежели прибьёшься некуда, к сродственнице моей ступай, – обрадованно выкрикнул старик, заворачивая монеты в платочек. – Нюркой её кличут. Нюркой Рукавишниковой!

- Спасибо, – буркнул на прощание Барков. – А тебя-то как зовут, раб Божий?
- Меня Семёном кличут. Тожа Рукавишников я! – отозвался старик, оттолкнувшись веслом от берега. – Ежели что, дык навывайся зараз. Дорогу поди не запомнеть!

Барков воспользовался советом рыбака и встал на постой к его сестре, милой пожилой женщине, которая в прошлом году схоронила мужа. Нюра жила одна, если не брать в рас-

чѣт внуков, навещавших свою бабушку чуть ли не ежедневно. Но капитана дети не касались. Они побаивались чужака, суровое лицо которого из-за постоянных головных болей выглядело мрачнее тучи.

Болезненные приступы никогда не продолжались у Баркова долго. Но в последнее время они повторялись всё чаще и чаще. И тогда капитан становился более угрюмым, раздражительным и молчаливым. Тщетно Нюра уговаривала его обратиться к местному лекарю.

– Проживу, сколько наверху, в небесах отпущено, – мрачно отговаривался Барков.

– Почто эдак к себе относишься? – удивлялась женщина.

– Да так я. Сразу не помер, знать, ещё долго жить буду, – уходил от ответа Александр Васильевич.

Вдруг он неожиданно рассмеялся. Но от его смеха хозяйку дома бросило в дрожь.

Хотя капитан и отказывался от посещения лекаря, участившиеся боли и необходимость лечения заставили его обратиться за помощью к знающему толк в лечении болезней человеку уже на следующее утро. Всю ночь Барков стонал и метался по постели. Дикая боль сжигала голову. Он страдал и мучился, мучился и страдал. У него было такое ощущение, как будто мозг превратился в раскалённый свинец и перетекал внутри головы, словно ища выход наружу.

Лекарь Пахом собирался уходить. Его ожидала тяжелобольная старушка, которая ни дня не могла обходиться без его помощи. В дверь кто-то сильно и требовательно постучал. Пахом сразу догадался, что к нему пожаловал человек, раньше не обращавшийся за помощью.

– Заходите, заходите! – громко сказал лекарь, поставив корзину со склянками на стол.

Дверь открылась. В избу неуверенной поступью, покачиваясь, вошёл незнакомый казак. Лекарь повернулся к нему и жестом указал на стул:

– А ну садись.

Казак сел.

– Помогите мне, доктор! – прошептал незнакомец, морщась от боли.

– Подсоблю, ежели хворь твою разумею, – ответил Пахом, ставя стул рядом. – Говори, что стряслось с тобой, а я покумекую, коим снадобьем тебя попотчевать!

– Башкой о землю вдарился, – ответил казак, тяжело дыша и обливаясь потом.

– Живой, крепкий, руки-ноги целы, хоть завтра в поход, – пошутил лекарь, ощупывая посетителя.

– Да я хоть сейчас, – пытался отшутиться казак, но вздрогнул от приступа боли, застонал и, страдая, зажмурил глаза.

Пахом сердито мотнул головой.

– Очень в поход хочется?

– Уже нет, – прошептал казак.

– То-то же. Сюда ступай.

Он уложил посетителя на лавку и взял его за руку.

– Что такое? – спросил тот смущённо.

– Сердечко как-то с перебоями колотится, – бормотал под нос Пахом, осматривая больного. – Бледное лицо. Могёт быть, и жарок имеется. И давно ты съерашил головушкой о землю-мать?

– Уже недельки три как минуло, – нехотя ответил хворый.

– И ты эдак долго терпишь боль? – воскликнул лекарь возмущённо. – Да ты...

– Надеялся, что пройдёт, а оно вон как, – простонал казак и, приоткрыв глаза, виновато улыбнулся.

– И чего ты здесь лыбишься, дурья башка? Нужда была муку эдакую терпеть? – затараторил Пахом как-то бестолково и слишком громко. – Возрадуйся, что живой ещё. Сейчас... Сей-

час я тебя попотчую снадобьем знатным, а уж опосля будем судить-рядить, насколько тяжела хворь в твоей удалой головушке.

Барков добросовестно влил в себя все настойки, предлагаемые лекарем. Он тихо сидел, когда тот проверил его глазницы, нос, уши. Заглянул в рот. Когда дверь приоткрылась и в щель просунулась мохнатая шапка ещё одного посетителя, капитан напрягся. Лицо его вытянулось от неожиданности. Он увидел одного из тех, кто...

– Пахом, ты шибко занят? – спросил, не входя в избу казак.

– Обожди, Гринька, – прикрикнул на него лекарь. – Не зришь что ль бельмами своими лубошными, что хворый у меня на осмотре?

Гринька с пониманием покачал головой и осторожно прикрыл дверь. Барков проводил его полным ненависти взглядом.

Пахом подал капитану мешочек с каким-то серым несъедобного вида порошком:

– Пей вот это снадобье каждодневно до еды три раза. Из избы носа не высовывай. Тебе теперь только покой зараз нужен. Ко мне тожа ни ногой. Я сам приходить буду!

– И как долго мне отлёживаться? – спросил Барков, изо всех сил стараясь, чтобы речь его не отличалась от говора яицких казаков.

– Это только одному Господу ведомо, – развёл руками лекарь. – Может, до конца лета, а может, и больше проваляешься. Уж больно шибко головушку зашиб.

– А ежели я того... Наплюю на всё это?

– Тогда в лучшем случае ты помрёшь. В худшем с ума спятишь. В башке твоей сейчас не мозги, а каша.

Барков встал, попрощался с Пахомом и, нахлобучив на самые глаза шапку, направился к выходу из избы.

– А ты чей будешь? – догнал его вопрос лекаря. – Где тебя сыскать, коли что?

– Из Оренбурга я, – ответил капитан не оборачиваясь. – Сейчас у Рукавишниковых живу.

– У Нюрки что ли?

– У неё самой.

– Тогда я за тебя спокоен. Нюрка – она баба порядочная и к людям уважительно относится. Ну ладно, ступай себе с Богом.

Предостережение яицкого лекаря крепко запало в душу Баркова, но последовать его рекомендациям капитан позволить себе не мог. Лечиться и соблюдать режим, у него не было времени.

Вместо того чтобы вернуться в избу Нюры Рукавишниковой и завалиться в постель, капитан завернул за угол дома Пахома и присел за плетень. Казак, который пришёл на приём, был один из тех, кто делал подкоп под шляпный салон графа Артемьева, а позже, вместе с другими, топил его в реке. И сегодня он будет первым, у которого Барков собирался «обспросить» сведения о Машеньке и о Флоране, которого капитан очень хотел найти, увидеть и безжалостно убить!

Притаившись за собачьей конурой, капитан почёсывал за ухом совсем не злобного пса, приговаривая:

– Хороший пёсик, хороший... Жизнь твоя собачья гораздо лучше, чем у меня сейчас. Можешь не верить, но мы с тобой чем-то схожи...

Когда лекарь с казаком Гришкой вышли на улицу, собака потеряла интерес к вжавшемуся в плетень Баркову. Она завиляла хвостом и жалобно заскулила, пытаясь привлечь внимание хозяина.

Вскоре Гришка и Пахом распрощались. Один, держа коня за уздечку, лениво пошагал куда-то в сторону реки, а другой отправился в обратном направлении. Капитан, пригнувшись, поспешил следом за Гришкой.

Страдая от головной боли и скрежеща зубами, Барков настырно крался за своим врагом. Когда представился подходящий момент, он в два прыжка настиг зазевавшегося казака и, захватив левой рукой его за шею, правой приставил к горлу остриё ножа.

– Как я рад тебя снова увидеть, Григорий! – прошептал он в ухо опешившему казаку, изо всей силы прижимая его голову к своей груди. – А ты, как я погляжу, вовсе не ожидал меня увидеть.

– К-кто ты? – прохрипел казак, пытаясь выровнять дыхание.

– Я тот, кого ты топил в Яике, – зло прошептал Барков.

– Дык ты не утоп разве? – удивился Гришка, ловя ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Я выжил, а ты сейчас подохнешь, – пообещал, злорадствуя, Барков, – если не расскажешь мне, где искать Егора Бочкова и девочку!

– Не знаю. Ни сном ни духом не ведаю, – задыхаясь, натужно хрипел казак.

– Тогда Царствие тебе небесное, горюшко ты луковое! – прошептал зловещим шёпотом Барков и надавил на рукоятку ножа, слегка поранив горло Гришки. – Учти, я не намерен шутить, бестолочь. Я и сейчас вижу, как ты дубасишь меня тяжёлым веслом по голове. Усёк?

– Я ж не со зла тогда, – хрипел казак. – Егорка нам велел сеё злодейство учинить.

– А где он сейчас? Где его нечистый носит?

– У царя он сейчас. Он при государе аль советник, аль министром значится.

– Девочка с ним?

– Не зрил никакой девочки я. Вот тебе истинный крест, не зрил!

– Так где мне рыскать в поисках «министра» этого? – наседал Барков. – Уж очень спасибо ему сказать хочется.

– На умёте Толмачёвском ищи его, – указал место казак. – Тама сейчас все зараз к походу готовятся.

– К походу? К какому ещё походу?

– А я почём знаю. Ведаю только, что воевать они мылятся. А вот с кем, сам чёрт не поймёт.

– Тогда ты почему не с ними, а в Яицке околачиваешься? – спросил капитан, задумавшись. – Может, доверие потерял у хозяев своих?

– Нет, я ещё раны долечиваю, что с Оренбурга привёз, – ответил Гришка. – Слаб я ещё для делов ратных.

Барков ослабил хватку и развернул казака лицом к себе. Он сочувственно и как-то виновато посмотрел на бородатое лицо Гришки:

– Ты мне всё сказал, долдон, или что запамятовал?

Большие глаза казака ввалились, выглядел он неважно.

– А что я могу знать ещё, – он махнул рукой. – Мне разве сказывают что эдакое. Моё дело веслом махать али сабелькой.

Барков смотрел на его открытое, чуть грустное лицо, а сам думал: «Действительно, что может знать этот увалень. Хорошо хоть вытянул из него сведения о месте нахождения Флорана! Теперь надо поспешить и добраться до него. Уж он-то может порассказать мне о многом!»

– За то, что я прощаю тебя, взамен забираю твоего коня, – сказал капитан, берясь рукою за уздечку. – Если ты против, то я веду тебя к коменданту Симонову и расскажу ему о...

– Бери коня, – вздохнул обречённо Гришка, которому, видимо, было проще распрощаться с конём, чем оказаться в руках коменданта Яицка.

– А ты ступай домой, зализывай раны и мне больше не попадайся! – сказал на прощание Барков, с сожалением глядя на грустное лицо казака. Сердце сжалось от боли, когда он увидел, как из Гришкиных глаз закапали слёзы. Но...

«Пусть спасибо скажет, что живым оставил», – подавляя в себе жалость, зло подумал Барков и вскочил в седло. А когда отъехал на значительное расстояние, он с раздражением принялся пенять на себя, что допустил промах. Надо было всё-таки убить казака, иначе...

Но сейчас всеми мыслями он рвался на Толмачёвский умет. Ему очень хотелось увидеть самозванца и Флорана, который мог сказать, где прячет Машеньку!

* * *

Распрощавшись с комендантом Симоновым, Барков тоже поскакал в Яицк. Оставив коня Гришки у дома лекаря, он направился в центр городка. Наступило утро. «Если я не умру, то лишусь рассудка, – думал он, шагая. – Так лучше я раньше поглупею, а потом помру!»

Глава 4

Вокруг крепости Рассыпной и внутри неё всё было довольно спокойно; не слышно ни жалоб, ни стенаний; каждый солдат из малочисленного гарнизона думал, что всё так и будет продолжаться, и благодарил Бога, что войско Пугачёва не спешит появляться у крепостных стен.

Но комендант крепости майор Веловский был опытен и осторожен. Он не питал доверия к этому зловещему затишью. «Пугачёв мимо не пройдёт, – думал он, – тем более что он уже заявил о своём приходе в возмутительном письме, которое я не принял!»

Майор, с тревогой на сердце, чуть ли не каждый час обходил стены крепости. Было уже далеко за полночь, когда дозорный у ворот поднял тревогу. Спавший дома Веловский подскочил как ужаленный и крикнул так, что крик его отозвался по всей крепости:

– Вставай! Вороги идут!

В крепости выстрелила пушка. Эхо прокатилось далеко вокруг. Через минуту майор выбежал на крепостной двор. Луна ярко сияла над головой. Со стороны степи донёсся глухой шум. Это шло казачье войско Пугачёва. Тяжело дыша, майор прильнул к бойнице, а потом, обернувшись, взволнованно крикнул:

– Солдаты! Казаки! Самозванец и его шайка идут к нам! Так встретим их так, как велит наш долг и присяга государыне императрице!

Войско бунтовщиков остановилось за версту от стен крепости Рассыпной. К воротам подскакали двое с ружьями в руках. Они придержали коней и осмотрелись. Веловский взвёл курок пистолета и выстрелил. Один из всадников свалился с коня на землю, а второй ускакал прочь от ворот. Но вскоре ещё два всадника подскакали к стене крепости. У одного из них в руках была пика с белым полотнищем на конце. Всё было спокойно. Казак помахал флагом над головой и крикнул:

– Эй вы, крысы поганые? Айда покалякаем с глазу на глаз?

– Кто вы такие? Что вам надо? – спросил майор через бойницу.

– Я атаман государева войска Андрей Овчинников! – крикнул казак с флагом. – Меня послал ампирактор Пётр Фёдорович! Он повелевает вам открыть ворота и сложить оружие. Тогда все живёхиные останетесь! Ежели вы пойдёте супротив государевой воли, то Пётр Фёдорович завладеет крепостью с помощью Господа и оружия!

– Убирайтесь к чёртовой матери отсюда, разбойники! – заорал в ответ комендант Веловский. – Пётр Фёдорович давно умер! А ваш Емелька – вор и самозванец!

Как только переговорщики ускакали, войско бунтовщиков пришло в движение. До крепостных стен докатился звук горна и выкрики командиров, строивших свои ряды.

– Огонь из пушек! – послышался в ночи громкий крик.

Грянул залп. Затем послышалась трескотня пистолетов и ружей. Выстрелы гремели непрерывно, как гром, так что всё вокруг грохотало.

– Огонь! Огонь! – орал и майор из-за стен частокола. – Разите бунтовщиков, чтоб на всю жизнь, до самой виселицы нас запомнили!

Пугачёвцы двинулись к стенам под грохот, стоны и свист пуль. «За государя-ампирактора!» Проклятия, треск, крики, но всё равно – вперёд, через груды раненых «братьев», через окровавленные трупы.

– Накажи его Бог! – закричал майор охрипшим голосом, ударив кулаком о бревно частокола, а глаза его засверкали, как у дикого бобра. – Пусть наша кровушка ливнем прольётся на его злодейскую бошку!

Казаки из войска Пугачёва приближались к стенам крепости, как муравьи. Малочисленный гарнизон крепости оказывал вялое сопротивление. Солдаты и казаки были подавлены многократным превосходством сил бунтовщиков.

Майор Веловский схватил ружьё, шапка слетела с его головы, но ему было не до неё, и бросился с непокрытой головой к бойнице в частоколе. Дым, пыль, грохот, ничего не видно, кроме пик, сабель и огоньков выстрелов; всё это вертелось в каком-то жутком клубке.

Атакующие ломали ворота и, встав на спины коней, легко перепрыгивали через невысокий частокол. Сабля коменданта сверкала, как молния в ночи. Он остервенел. Сначала его пробирала дрожь, когда он думал о приближающейся смерти, но потом майор Веловский позабыл обо всём.

Войско бунтовщиков прорвалось через ворота. Казаки мчались на конях, как черти, через брёвна, через трупы защитников и своих собратьев.

Майор обернулся и что было сил крикнул:

– Все, кто жив остался, марш в комендантский дом!

В комендантском доме, у крепко запертой двери стоял вооружённый майор Веловский. Женщина с ребёнком на руках склонила голову на грудь мужа. В правой руке майор сжимал пистолет, а левой обнял жену.

– Родная моя! – шептал Веловский. – Всё пропало, всё. Самозванец со своей шайкой уже в крепости. Жизнь моя кончилась. Может, хоть вас пощадит этот мерзавец. Но о себе я не беспокоюсь, а вот о тебе, ладушка моя ненаглядная...

– Ох, прощай, мой любимый! – рыдала женщина в отчаянии. – Видать, и мой черёд подошёл. Ох, зачем меня только матушка родила!

– Прощай! – прошептал комендант. – Прощай! – Он поцеловал ребёнка и, обняв жену, долго не выпускал её из своих объятий, словно чувствовал, что расстаётся с ними навсегда.

– Прощай! – пробормотала она сквозь рвущиеся из груди рыдания. – Прости, ежели что было между нами не так!

В крепостные стены вливались отряды пугачёвского войска, считая всех, кто ещё осмеливался хоть как-то сопротивляться. Сыпавшийся из комендантского дома град пуль валил всадников, которых возглавлял атаман Андрей Овчинников.

Войско дошло до комендантского дома и окружило его. Три раза шли в атаку и три раза отступали.

– Сено тащите, дурни! – орал, надрывая глотку, Иван Зарубин-Чика. – Всех спалим зараз, чтоб не мучались!

К нему подскакал Давилин и, пересиливая стрельбу, крикнул:

– Ванька, не смей жечь избу эту! Государь повелел, кто в ней заперся, – зараз живыми взять, чтоб суд опосля чинить над ними за ослушание!

– Но-о-о...

– Пётр Фёдорыч осерчает, коли ослушаешься! От пожара вся крепостица зараз воспыхает, и людям здешним жить негде будет!

Пошли на штурм в четвёртый раз. Осыпаемые пулями защитников дома, казаки надвигались плотной массой. И вскоре они овладели домом, пленив его защитников.

Коменданта Веловского и его супругу с дитём подвели к восседавшему на коне «ампиатору».

– Этих супостатов повесить, – указал на майора и его жену Пугачёв. – И этого тожа. – Он кивнул на оставшегося в живых после штурма молодого офицера. – А мальчонку не троньте. Он ещё не разумен, чтоб за родителей безмозглых ответ держать.

– Жену не тронь, кровопивец! – закричал в отчаянии комендант, уводимый казаками на казнь. – Она-то что тебе сделала?

– Муж да жена – одна сатана, – ткнул его кулаком между лопаток Давилин. – Зато на небеса сообща вознесётесь и возрадуетесь там перед ликом Христовым.

– Люди! – обратился тем временем Пугачёв к населению Рассыпной. – Слушайте меня и на ус мотайте! Я, государь ваш Пётр Фёдорович, дарую вам жизнь и свободу. Живите и радуйтесь. Но ежели кто из вас супротив меня, ампиатора вашего, идти возжелат, того ждёт то же, что и тех вон висельников!

Люди повернули головы в том направлении, куда указывал «перст государя», и с ужасом увидели дёргавшихся в агонии Веловского и его жену. Палач Бурнов тем временем набросил петлю на шею дрожавшего как осиновый лист молодого офицера.

Стол накрыли на улице, как и в Илецком городке. В покорённой крепости царило веселье. Государь чествовал своих офицеров и воинов. С потемневшим лицом сидел Пугачев среди пьяной компании сподвижников, наполнял чаши, высказывал поздравления.

– Чего не весел, царь-государь? – воспользовавшись уходом Овчинникова, пересел на его место, по правую руку от Пугачёва, Егор Бочков.

– А чего радоваться, – нахмурился Емельян. – Вон людишек сколько пало зазря. А за что? Ежели бы гарнизон отворил ворота, мне бы сейчас гораздо радостнее было!

– Нашёл о чём кручиниться, – усмехнулся Бочков. – На то она и война! Ещё смертей столько впереди будет, что не счесть. Но а если ты каждый раз вот так гореваться будешь, то ненадолго тебя хватит, «ваше величество»!

Пугачёв наполнил чаши вином, и они выпили.

– Прямо с утра надо на Нижне-Озёрную крепость двигать, – сказал Бочков, обгладывая куриную ножку. – После взятия Рассыпной тебя теперь бояться больше чёрта!

– А чего спозаранку-то? – нахмурился «государь». – Чай войску и передых дать надоб?

– Рано отдыхать ещё, рано, – ответил Бочков. – Успех развивать надо, пока противник в панике! Запомни, государь, чем активнее будут действия твоего войска, тем успешнее будет начатое тобою дело! Но трудности ещё все впереди, а пока, будем считать, твоё войско набирается военного опыта!

Пугачёв утёр со лба пот. Закончится ли когда-нибудь этот день!

Бочков не унимался. Он говорил вкрадчиво, проникновенно и в то же время настойчиво и требовательно. Советник был недоволен тем, что «государь» вновь налегает на дурманящие голову напитки.

– И начатая тобою война, – говорил Бочков, – обещает быть победоносной. Ты обещал казакам победу, и они верят в тебя. Мы воюем совсем ещё недолго, а какие успехи! Пускай сил у нас сегодня немного поубавилось, но если успех будет по-прежнему сопутствовать войску, то новобранцев прибудет – хоть отбавляй. Только вот плохо дело со снабжением и вооружением, но и это поправимо. Пусть для нашего противника открыты источники всего света, а мы стараемся перебиться собственными ресурсами, хорошо замкнутые, как в осаждённой крепости, или...

Наконец он умолк, вдруг о чём-то глубоко задумавшись.

Пугачёв напряжённо ждал, но продолжения не последовало. Он глубоко вздохнул. Так глубоко, что этого не мог не заметить и Егор Бочков; улыбнувшись, он заполнил вином свою чашу.

– Мы можем делать лишь то, что нам по плечу. Больше с нас взять нечего. Да и время прошло-то всего ничего, – Бочков протянул руку, чтобы чокнуться с «царём», но неожиданно рука его остановилась, а глаза уставились в пустоту. Голосом, лишённым всяких эмоций, он произнёс:

– Чёрт возьми, или я перепил сегодня, или только что видел скотину Анжели!

Он поставил на стол чашу, которую не успел даже пригубить, и встал.

– Не сердитесь, «государь», но позвольте мне удалиться, – сказал он, даже не взглянув на Пугачёва. – Я должен идти спать.

Поклонившись «ампиратору», Флоран вышел из-за стола. Со стороны степи подул прохладный ветер. Но у него это не вызвало неприятного чувства, наоборот, ему показалось, что ветром у него выдувает из головы странные мысли. Флорана угнетало мрачное видение в облике Анжели, которого он привык считать мёртвым. И теперь, прогуливаясь по улице Рассыпной, он старался поскорее избавиться от этого неприятного ощущения. Флоран прибавил шаг, глубоко вдыхая воздух.

Так он, борясь с противоречивыми чувствами, дошёл до церкви, вокруг которой, невзирая на поздний час, толпились люди. Они молились, оплакивая тех, кто сегодня распростился со своими жизнями.

Флоран снял шапку и закрыл глаза. Небо было чистое, звёздное. И в тот момент кто-то подошёл сзади, легонько коснувшись его плеча.

– Что, к Иисусу на суд собираешься, Иуда? – прозвучал ему в затылок пропитанный злобой шёпот Анжели. – Давай просись, предатель. А я подожду, прежде чем всадить тебе в затылок пулю!

* * *

Как только Бочков ушёл, Пугачёв велел кликнуть к себе Ивана Почиталина.

– Ну что, писарь мой ненаглядный, – обнял он юношу за плечи. – Обскажи-ка мне о письме, что написали мы с тобою ещё с Бударинского форпоста кайсацкому хану Нурали?

– Это о том письме, государь, в котором вы требовали от хана сто человек вспомогательного войска и сына в заложники?

– Об нём самом, – кивнул утвердительно Пугачёв.

– Дык я в тот же день его с нарочным отправил, – сказал Почиталин, бледнея.

– А ответа ещё не было?

– Ещё нет. Со дня на день ожидаюсь.

– Как ответ доставят, сей же час мне об том доложи, – нахмурился Пугачёв и добавил: – Хоть днём, хоть ночью. Уразумел?

Неожиданно перед ними из темноты ночи появилась молодая красивая казачка. Заливаясь слезами, она пала в ноги «ампиратору» и надрывным голосом воскликнула:

– Государь, не гони, выслухай меня!

Женщина схватила ногу Пугачёва и принялась осыпать поцелуями его пыльный сапог.

– Но-но, – поспешно убрал он ногу. – С чем пожаловала ко мне, красавица, и почто слезами исходишь?

– Жалиться на свёкра своего пришла, – размазывая по щекам слёзы, выговорила вздрагивающими губами казачка.

– И чем он тебя обидеть посмел? – спросил Пугачёв, ласково улыбнувшись.

– Он меня к сожительству срамному склоняет, – покраснев, стыдливо призналась казачка.

– А зовут тебя как, красавица? – после минутного раздумья спросил Пугачёв.

– Марфа я, Соловьёва, – ответила женщина. – А свёкра моего, козла старого, Силантием кличут.

– И что вытворяет свёкр твой, Силантий? – грозно нахмурил брови Пугачёв. – И что он от тебя требует?

– Похоть евоную ублажать, – снова зашлась слезами Марфа. – Как только муженька моего в Сибирь уехали, дык он зараз приставать начал, пёс блудливый. Все вещи наши пораспродав, а сам меня к себе в избу насильно увёл.

– Он что, бобылём проживает? – спросил Пугачёв. – Почто его на баб молодых эдак тянет?

– Да нет. Он со свекрухой проживает в браке, – вздохнула горестно Марфа. – Только он её ни в грош не ставит. Он её каждый божий день лупцует смертным боем. Как жива ещё, сердешная...

– А годков скоко стукнуло этому мерину похотливому? – спросил Пугачёв, вставая.

– Почитай девятый десяток разменял, аспид старый, а всё туды же.

– Который десяток? – не поверил «государь».

– Девятый, чтоб ему пусто было!

Пугачёв и вся его «свита» пошагали за Марфой, которая привела их в дом своего свёкра. Пугачёв первым, по-хозяйски вошёл в избу и едва не столкнулся лоб в лоб с блудливым стариком.

– Падай в ноги, пёс! – крикнул грозно Иван Зарубин. – Али ослеп и не зришь, что сам государь перед тобою?

– Ну зрю и что с тово? – противно каркнул старик, подслеповато щуря глаза.

Он не спеша зажёл новую лучину и повернулся к «гостям».

– Ты почто озоруешь, сучок старый? – грозно спросил Пугачёв, присаживаясь на поданный Чикой стул. – Почто невестку свою в греховый разврат вовлекаешь?

Губы старика подвигались, помялись, не сразу выпустив слово:

– Она вам сбыхала, кобыляка яловая.

Пугачёв посмотрел на его сухие, морщинистые, грязные руки и брезгливо поморщился.

– Ну а теперь укажи снохе, где вещи еёные! – потребовал Пугачёв. – Не грехи лучше и отдай всё, что заграбастал в избе еёной. Всосал, что говорю?

– Не брал я ничегошеньки, – буркнул неприязненно старик. – Ни полушки из избы сына моего не вынес. Это лярва евоная Марфа всё профукала. Вот вам хрест истинный! – И Силантий перекрестился.

Тут не выдержала и вмешалась Марфа.

– Кары небесной побоялся бы, супостат старый! – крикнула она, заломив руки.

– Ты замолчь, курва болотная! – сверкнув беззубым ртом, взвизгнул свёкор.

– Ты что, аль не понял! – зарычал на него Чика. – Горланить на сноху государь не дозволяет тебе. Уразумел?

– Продал он всё, мне люди обсказали, – всхлипнула Марфа.

Пугачёв с ещё большим презрением покачал головой.

– А деньги где от продажи? – спросил он, глядя на старика.

– В поясе носит, – подсказала Марфа.

Силантий поднял руки, готовые вцепиться ей в горло.

– Срамница бессовестная! Змеюка подколотная!

– Деньги отдай! – схватил его за ворот Андрей Овчинников. – И не тебе балякать о совести, блудник перезрелый. Погляди на государя. Он уже серчает зараз!

– Я её кормил-поил! – запричитал Силантий. – Она проживала в избе моей, зараза. На шее моей висела, подлюга! Жрала, пила...

– Довольно, паскудник! – загремел раздражённо Пугачёв. – Мы и так с тобою долгёхонько ляды точим!

Старик скис, вынул из-за пояса кожаный мешочек с деньгами и начал их пересчитывать. Руки его тряслись всё больше и больше. Губы противно прищмокивали. Пугачёв с отвращением отвернулся. Наконец, старик протянул невестке часть денег. Но та отвернулась от него. Тогда Чика забрал у него все деньги вместе с кошельком и вложил в руку Марфы.

– Теперь ты здесь хозяйка! – объявил он, покосившись на всякий случай на угрюмо молчавшего «ампиратора». – Эдакая воля государева!

Пугачёв встал и шагнул к выходу.

– Удавлю тебя, тварь бесстыжая, – прокрипел злобно невестке Силантий. – Как только...

– Государь, а что с паскудником старым делать повелишь? – услышав угрозы старика, спросил Андрей Овчинников. – Сдаётся мне, не даст он житья Марфушке апосля нашего ухода.

Пугачёв остановился, замер в проходе и поискал взглядом свою чёрную «тень» – Давилина.

– Я у ворот осину раскидистую давеча приметил, – сказал он. – Вели Прошке Бурнову на дереве том сук потолще сыскать да мерина этого зараз на него и подвесить! Пущай люди здешние любуются и ведают, что государь ихний не только строг, но и справедлив тоже...

Глава 5

Близился полдень. Ярмарка в Сакмарском городке в самом разгаре. Празднично одетые казаки и казачки прогуливались по площади у церкви. Повсюду слышались оглушительные крики, восклицания, шуточные споры и препирания. Сквозь толпу медленно протискиваются с лотками на груди оренбургские купцы-коробейники.

Все вокруг толкаются, теснятся, грызут семечки. Это ярмарка простых людей, и настроение у них отличное. Ведь должны же они повеселиться, поразвлечься, порадоваться жизни.

Над головой ярко светит солнце, воздух наполнен ароматом осени, на фоне неба чётко вырисовывается золотисто-белый фасад церкви, а весёлые крики и песнопения несколько не оскверняют эту чудесную картину.

Мариула пришла на ярмарку с Радой на руках. Она вежливо разговаривала с сакмарцами, любезно им улыбалась, и казаки, привыкшие видеть её обычно дома, не могли прийти в себя от удивления.

Настроение у старой ведуньи было далеко не праздничное. Прохаживаясь по площади, Мариула вдруг о чём-то задумывалась, окидывала взглядом толпу, словно выискивая кого-то.

И наконец она облегчённо вздохнула. На ярмарке показался атаман Данила Донской со Степанидой под руку. «Ну, наконец-то все в сборе, – подумала Мариула, – сейчас всё и начнётся!»

Степанида была по-праздничному весела, она сердечно здоровалась со всеми, спрашивала, что нового, охотно рассказывала про свои дела. А её муж хмуро отмалчивался. Исподтишка посмотрев на него, Мариула заметила, что и он наблюдает за ней украдкой.

Оставив супругу болтать с казачками, Донской подошёл к Мариуле и, глядя ей в глаза, напрямую спросил:

– Ну? Говори, что сказать хотела. Я слушаю!

– Ты сон нынче дурной зрил, Данилушка, – прижимая к груди Раду, сказала так же прямо Мариула, – и мне понятна заботушка твоя!

– Фу ты чёрт! – беззлобно выругался атаман. – Да не ходи ты вокруг да около. Сказывай, откель про сон мой проведала?

– Да у тебя всё на лице написано, Данилушка, – грустно улыбнулась Мариула. – А сон твой вещим был! Беда в наши двери стучится, атаман!

– Что нас ждёт, говори? – пробубнил Донской, отводя глаза в сторону и готовясь таким образом услышать самое страшное.

– Сейчас сам всё узнашь, – загадочно ответила Мариула. – Уже гонец из Оренбурга к Сакмарску подъезжает!

Атаман осмотрелся, но, не увидев гонца, нахмурился.

– Что за вести везёт ко мне гонец? – спросил он, недоверчиво глядя на ведунью.

– Узнаешь сам, – уклонилась она от ответа. – Могу сказать только, что нерадостные они. А ещё упрянуть хочу – не теряй головушку, Данила. Сатана верховодить над всем спешит и тебя соблазнами умилять хотит. Пропадёшь, атаман, коли на посулы вражьи поддашься. Раскол по Сакмарску пойдёт. Казаки, будто псы цепные, промеж себя разлаются. Кто-то с тобой останется, а кто-то к сатане переметнётся на своё горе, на свою погибель!

Рада на руках Мариулы проснулась и закапризничала.

– Ну, мне пора, Данилушка, – встрепенулась она. – Мне домой пора. А ты не уходи. Гонец уже прямо сейчас и объявится.

Не успела Мариула отойти от растерянного атамана и скрыться в толпе, как возле него появился писарь Гордей Тушканов.

– Данила, айда, – сказал он. – Тебя нарочный от губернатора у атамановой избы дожидается.

- С худыми вестями, – вздохнул атаман, уже не видя в гудящей толпе сакмарцев ведуньи.
- Истинно эдак! – вскинул удивлённо брови писарь. – А ты откель об том проведал?
- Проведал, как сам зришь, – ещё раз вздохнул Данила и пошагал в направлении избы.
- Чудеса! – развёл руками Тушканов и поспешил за ним следом.

Пока атаман читал послание от губернатора, Гордей Тушканов созвал с ярмарки казаков, и они толкались у избы, с озабоченными лицами ожидая, когда выйдет Донской.

Григорий Матрюков молча смотрел перед собой, а в душе его кто-то малым язычком нащёптывал: «Люди веселы! Люди счастливы! Их ничто не тяготит, не заботит!»

В это время Донской вышел на крыльцо. В руках он держал свёрнутый трубочкой лист бумаги.

– Да здравствует атаман! – хором гаркнули, приветствуя его, казаки. – Будь здоров и счастлив, Данила!

– Веселитесь, казаки, покуда нынче весело, – и Донской сдержанно улыбнулся, присаживаясь на ступеньку.

– Дык нам что, и впрямь веселиться али горевать? – спросил за всех Матрюков, глядя настороженно на атамана.

Люди встрепенулись и подались вперёд, желая расслышать, что им скажет Данила Донской.

– Веселитесь, раз ярмарка нынче, – нахмурился озабоченно тот. – Это правильно будет. Гуляйте, покуда гуляется.

Казаки сохраняли гробовое молчание. Взгляд атамана упал на притихшего писаря, который внимательно смотрел на него.

– Что, любопытство поедом ест? – И Донской натянуто засмеялся. – Тогда сейчас я обскажу что почём!

Он передал лист писарю и откашлялся.

– Браты-казаки! Губернатор упреждает нас, что вор и разбойник Емелька Пугачёв, назвав себя царём-батюшкой Петром Фёдорычем Третьим, с шайкой бунтовщиков к Оренбургу идёт! Попутно самозванец этот городки и крепостицы зорит, а людей казнит без разбору! А ещё нам велено мосты через Сакмару разобрать, а самим в Оренбург идти, чтоб сообща с войском губернаторовским врагу противостоять.

Донской обвёл долгим взглядом притихших людей:

– Ну? Казаки? Что делать будем?

В ответ не прозвучало ни одного выкрика. Сакмарцы были поражены услышанным и с трудом переваривали в голове страшные вести.

– А сам-то что мыслишь, Данила? – выкрикнул кто-то крайне озабоченным голосом.

– Мыслю я эдак, братья казаки, – внушительно начал Донской. – Настало времячко доказать, что мы свободные люди и достойны присяги, что государыне ампира трице дали! Как день Господний ясно, что за царицу мы встать должны! А вот мостов ломать не станем! А то как же иначе в Оренбург ездить будем? Дойдёт ли самозванец до мест наших, мы ещё знать не знаем и ведать не ведаем.

– А может, Емелька тот и взаправду царь? – выкрикнул ещё кто-то.

– Был бы он взаправду царь, дык в столице бы на троне с царицею восседал, а не по нашим степям болтался! – ответил крикуну и всем его поддерживающим казакам атаман. – Сдаётся мне, что Пугачёв этот проныра, одержимый каким-то злым бесом. Поднял, подлюга саблю, как враг, на государство наше, и теперь кровушка невинная орошать степь станет. Ежели мы настоящие казаки и достойны наших вольностей, то докажем это на деле!

– Дык что ж получается: ежели Пугачёв этот, царь али не царь, в городок к нам ненароком пожалует, то мы по нему из пушек палить станем? – прозвучал ещё один провокационный вопрос.

– С хлебом-солью встречай, коли желаешь, – грозно выкрикнул атаман, ища взглядом того, кто его задал. – Только от себя самого, а не от нас всех!

Толпа загудела. Донскому стало понятно, что мнения разделились. Половина казаков была согласна с атаманом, а другая половина сомневалась.

– А может, царь этот зараз жизнь нам облегчит? – орали «сумлевающиеся».

– Ошалели что ль, долдоны? – огрызались те, кто поддерживал Донского. – Когда это было, чтоб цари за народ и казаков радели? Ежели Емелька и сковырнёт с престола ампира-трицу, то и сам эдаким, как и она, станет! Сейчас дай всем волю, тогда и от государства одни ключья останутся!

Спор разрастался. Страсти накалялись. Над головами казаков заблестели сабли. Вот-вот спорщики набросятся друг на друга и прольётся кровь.

– Мир вам! – загремел вдруг над разъярённой толпой могучий голос попа Серафима. – Вы же у церкви, казаки, а не в притоне сабармановом! Вложите свои сабли в ножны и устыдитесь того, что вытворяете у храма Господнева! Все вы люди набожные, православные, а сейчас душами вашими овладел нечистый дух!

– Вы что, ополоумели?! – следом за попом закричал атаман, с трудом перекрикивая возмущённые вопли казаков и визг казачек. – Ещё кровопролития промеж нас не хватало! А ну сабли в ножны – и сказ весь! Покуда самозванец до нас доберётся, мы сами друг дружке бошки посшибаем!

Вскоре страсти улеглись, казаки успокоились и убрали сабли в ножны. Ярмарка захлебнулась, но расходиться по домам никто не спешил.

– С этого часа гарнизонную службу в крепости усилить велю! – распорядился Донской. – Округ городка тоже разъезды усилить! На то, на сё два десятка казаков отряжаю!

– А остальных куда? – заволновались казаки.

– Остальные со мною в Оренбург поскачут, – ответил успокоившись атаман. – Тяните кверху руки, кто со мной желет. А ты, – он посмотрел на писаря, – всё зараз запоминай и записывай!

* * *

Войдя в избу, Мариула едва не присела прямо на порог.

На столе красовался её любимый самовар, а за столом восседали внуки – Василий и Савва.

– О Господи, внучики! – она едва не всплеснула от радости руками, но вовремя вспомнила о Раде, которая спала у её груди.

Молодые казаки поспешили навстречу к бабушке. Савва взял у неё ребёнка и уложил в люльку, а Василий помог Мариуле раздеться и подвёл её к столу.

Братья были похожи друг на друга. Смуглые мужественные лица, светло-русые волосы, такие же усы и бородки. Их голубые светлые глаза так и светились радостью от встречи с любимой бабушкой. Братья были статны и красивы.

– Вы что, внучики, одни аль с супружницами? – вытерев платочком слёзы, спросила Мариула.

– Одни мы, – ответил Василий. – Приехали вот узнать, так ли здесь худо, как у нас в Бердах рассказывают?

– Худо? – удивилась Мариула. – Да кто вам сбрыхнул это? Живём себе тихохонько, да небеса знать себе коптим.

– А кто тама спит у тебя беспробудно, бабуль? – спросил Савва, кивнув на спящую Анию.
– Ой, опосля обскажу, – отмахнулась Мариула. – Сперва о себе поведайте, об отце с матушкой, о жёнках, о детушках?

– Да, всё у нас чин-чинарём, – сказал Василий, вставая. – Ну, вы покуда калякаете, я на отцовский дом схожу погляжу. А то батька опосля выпрашивать о нём будет.

Старший внук вышел из избы, а младший...

– Бабуль, а что за робёночка в куле принесла? – спросил он. – Лечить от хвори какой?

– Не-е-е, это моя доченька, – ответила, улыбаясь, Мариула. – Мне её мать – цыганка под дверь подкинула, а сама ушла.

– Что, совсем ушла? – удивился Савва.

– А кто её знает, – пожала плечами Мариула. – Ежели жива будет, глядишь, и заявится.

Внук посидел пару минут молча, о чём-то размышляя, а потом спросил:

– И как ты с нею справляешься, бабуль? Тяжело поди?

– Эдак вот и справляюсь, внучек, – ответила Мариула. – Вас с Васенькой вынянчила, а вот ваших деток не довелось. Вот Радочка меня и радует. Спокойная она и ласковая!

Молодой казак сидел в избе, в которой он родился. Всё было так, как в его детстве; вот большая печь, на которой они с братом любили спать суровыми зимами. Задумавшись, Савва невольно поднялся, вышел в сени и завернул в каморку. Он молча стоял посреди тесной комнаты, через маленькое окошко сюда проникал свет угасающего дня, сумерки сгущались. В этом чулане они с Васькой любили спать летом. Вспоминания о прошлом стеснили его грудь.

После ужина Мариула долго сидела с Василием и Саввой; она удивлялась вестям, переданным внуками. Они говорили о бедах и нужде и обо всём том, о чём их спрашивала бабушка.

– Да вот край весь волнуется, – сказал Василий. – Сейчас не больно-то сладко, да тут ещё государь Пётр Фёдорыч объявился. Кто знат, как при нём будет! Вот мы с братом и подумываем зараз обратно в Сакмарск возвратиться.

– Милости просим! – оживилась Мариула. – А отец с матушкой? Они не хотят в обрат?

– Не-е-е, – покачал головой Савва. – Они уже костью к Бердам приросли! А нас вот с братухой всё сюда тянет!

– Вы правильно порешили, детушки, – обняла внуков за могучие шеи и прижала их головы к своей груди Мариула. – Времена нынче тёмные. Сродственники должны рядышком друг с дружкой гнеститься!

– Бабуль, айда к деду на могилку ходим, – вдруг предложил Савва.

– Да ты что, внучек? – воскликнула удивлённо Мариула. – Да разве к покойным на ночь глядя ходят? Коли деда навестить желаете, дык прямо с утречка и ходим?

– А я бы тоже прям сейчас не отказался, – поддержал брата Василий. – К тому ж до кладбища рукой подать.

Мариуле ничего не оставалось, как подчиниться желанию своих внуков.

Караульный казак, хорошо знавший Мариулу и её внуков, беспрепятственно впустил их в крепостной двор.

Подойдя к могиле деда, братья сели на скамейку и, словно договорившись, прикрыли лица ладонями, опершись локтями о колени. Они долго оставались в таком состоянии, и Мариула, обняв крест, с удивлением посматривала на внуков. Однако она удивилась ещё больше, когда Василий и Савва, вдруг выйдя из раздумья, заявили:

– Тревожно что-то на душе у нас, бабуля. Вот потому в родные места и тянет!

Лицо Мариулы помрачнело. Схватив Василия и Савву за руки, она сказала:

– Обещайте мне, зёрнышки мои, что никогда не станете на сторону врагов, каковые сейчас на сторону самозванца Емельки становятся!

– Обещаем, – ответили они.

Изменившееся лицо бабушки, её волнение повлияли на Василия и Савву.

– Свято помните об этом, – сказала Мариула. – Ещё не запомните, что не где-нибудь, а на могиле деда своего обещание мне дали!

Поражённые внуки невольно спросили свою бабушку, что с ней. Но та, ничего не ответив, направилась к выходу из крепости.

Вернувшись в избу, Василий и Савва улеглись спать и быстро, по-молодецки, заснули. А Мариула ещё долго бодрствовала и молилась.

* * *

На следующий день яркое не по-осеннему солнце осветило Сакмарский городок. Население снова собралось на площади, только на этот раз не для ярмарочных гуляний. Казаки – кто верхом, кто пешком, ведя под уздцы лошадей, все при сабле, при ружье собирались к отъезду в Оренбург. Конский топот, разговоры, звон оружия, приветствия и брань. Вот Григорий Матрюков верхом в шапке набекрень. Вот Пётр Белов, остановив коня, нагнулся, чтобы поцеловать вышедшую его проводить супругу Анфису; вот Матвей Куракин ругает сыновей за неопрятный вид. Вот группа казаков, остающихся для несения охранной службы в Сакмарске, покачивая головами, рассуждают о том, что их ждёт. А крика, шума больше, чем минувшим днём на ярмарке.

Солнце начало припекать, народ бурлил, только атаман мрачно смотрел в землю. Поездка в Оренбург вовсе не радовала его...

С тяжёлым сердцем Донской распрощался с женой, с сыновьями, с отцом и матерью, после чего вскочил в седло. Его примеру последовали все остальные казаки.

* * *

Поздно ночью в Сакмарские ворота города Оренбурга настойчиво постучали. Казак Мефодий Судаков нахлобучил на голову шапку, зажёл факел и вышел из караулки. Прежде чем отворить ворота, он посмотрел в окошечко.

– Кого бесы принесли на ночь глядячи?

– Свои, отворяй, – отозвался снаружи знакомый голос.

– Ковригин? Ты? – крикнул из осторожности Мефодий.

– Донской я, атаман сакмарский, – послышался ответ. – Со мною казаки из городка нашего!

Ворота со скрипом отворились, и Судаков, подняв над головой факел, изумился при виде казаков, которых насчитывалось чуть меньше сотни сабель.

– Мефодий, – обратился к Судакову атаман, остановив коня, – сообщи кому положано, что сакмарцы прибыли.

– Здрав будь, Данила! – улыбнулся казак, признав атамана. – Ждём вас. Ждём! Покуда, до утра, вам здесь велено перебиться. Пожрите, передохните, а спозаранку напрямик к губернатору пожалуйте. Он сам вам место постоя определит.

Казаки спешили, привязали коней и принялись располагаться тут же у ворот, на соломе, которую выдёргивали пучками из небольшого стожка.

Недалеко от ворот горел большой костёр; над ним, на цепях были подвешены котлы, от которых вкусно пахло похлёбкой.

Казаки поужинали и расположились ко сну.

Атаман Донской лежал на подстилке и смотрел в небо. Ему не спалось. Тени, которые передвигались взад и вперёд, свидетельствовали, что караул несёт службу добросовестно. Изредка, среди ночи, открывались ворота, и каждый раз из города в разные стороны уносились по одному-два всадника. «Это гонцы, – вяло подумал Донской, засыпая. – Это...»

Глава 6

– Ваше высокопревосходительство, приглашённые на совещание офицеры ожидают вашего позволения! – доложил адъютант, вытянувшись перед губернатором.

– Подождут, не сломаются, – угрюмо ответил Иван Андреевич и брезгливо отшвырнул от себя письмо хана Нурали. – Вот негодяй! Вот скотина! – воскликнул он, вытирая кончики холёных пальцев носовым платком.

– Кто, хан? – осмелился спросить адъютант и тут же пожалел о своей несдержанности.

Но кипевший от гнева губернатор даже не заметил оплошности офицера.

– Какой к чёрту хан! – вспылil выведенный из себя Иван Андреевич и яростно замахал руками. – Этот Вильгельмьян Пугатшофф, штоб ему сдохнуть, совсем выпрыгнул из рамок! Подумать только, он написал этому идиоту Нурали письмо, в котором потребовал сына в заложники и сто кайсаков вспомогательного войска! И этот дурак Нурали отписал мне своё письмецо. Ладно ума на то хватило! Вот, почитай...

Губернатор сложил перед собой на столе руки и указал мизинцем адъютанту на письмо.

Тот, косясь на взвинченного до предела Ивана Андреевича, взял письмо и прочёл: «Мы, люди, живущие в степях, не знаем, кто сей разъезжающий по берегу: обманщик ли или настоящий государь? Посланный от нас воротился, объявив, что того разведать не мог и что борода у того человека чёрная».

И ещё хан в письме требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота, выдачи бежавших из орды рабов и возвращения дочери Ании.

Адъютант отложил письмо и посмотрел на задумчивое лицо губернатора.

– Как прикажете ответить, ваше превосходительство? – осторожно полюбопытствовал он.

– Садись за стол, бери бумагу и пиши, – распорядился Иван Андреевич, указав на перо и чернильницу на своём столе.

Когда адъютант, исполнив приказ, вопросительно посмотрел на него, губернатор встре-
пенулся:

– Кончина императора Петра Фёдоровича Третьего известна всему свету! Я сам видел государя в гробу и целовал его мёртвую руку. В случае побега самозванца в киргизские степи настоятельно прошу выдать его правительству! За это получите великую благодарность императрицы и её безграничную милость.

Он продиктовал ещё несколько ничего не значащих фраз, после чего распорядился:

– Пусть писари переписут письмо и отправят сегодня же этому киргизину с нарочным! И пригласи ко мне всех, кто явился на совещание!

Офицеры вошли в кабинет и расселись кому где понравилось.

– Садитесь, садитесь, господа! – приветливо лепетал губернатор, разглядывая входящих через лорнет. – Как я вижу по вашим лицам, вы знаете, что наши дела обстоят неважно. Вильгельмьян Пугатшофф безнаказанно грабит, зорит наши крепости, казнит офицеров и их семьи. Так он и до нас доберётся.

– Ему и его шайке вот бы что показать! – сказал бригадир барон Биллов, кичливо похлопав по шпаге на боку.

– Гм-м-м, это не совсем правильно, барон, – мягко возразил Иван Андреевич. – У вас слишком горячая кровь! Чтоб собака не тывкала, не надо ей грозить палкой. Кажется, так говорят казаки?

Он поднёс к глазам лорнет и посмотрел на бравого бригадира.

– Берите отряд, дорогой мой барон, – продолжил, улыбаясь, губернатор, – и с утра выступайте в Татищево.

– Одного отряда может оказаться мало, – заметил кто-то из офицеров.

– Не беспокойтесь, вполне хватит, – бросил Иван Андреевич. – Шайка Пугатшоффа всё время имела дело с предателями и перебежчиками, которые вливались в неё! Но с солдатами регулярного войска им не совладать. Я уверен, что барон Биллов разгонит разбойников по степи, как стадо баранов, а самого самозванца привезёт в Оренбург!

– Но мы не знаем способностей Пугачёва и его шайки! – снова засомневались офицеры. – Мы не знаем, на какие ухищрения эти разбойники способны.

– Какие ещё ухищрения, господа? – воскликнул Биллов. – Я быстро справлюсь с бунтовщиками! Вот увидите!

– Ошибаетесь, барон, – сказал, не выдержав, граф Артемьев, который тоже был удостоен чести присутствовать на совещании. – Противника никоим образом нельзя недооценивать!

Я знаю, какая кровь течёт в жилах этих людей. Хотя у вас и горячая кровь, господа, но и казаки далеко не трусы. Они отлично владеют и ружьём, и саблей. Шпагой, господин барон, – граф выразительно посмотрел на бригадира Билова, – вы их не запугаете. Только всё дело испортите и людей погубите. Однако казаки отличаются и непостоянством. Это их ахиллесова пята. Надо всего лишь убедить их, что Пугачёв не царь, а самозванец, и они поостынут! Вот тут-то мы его и обуздаем!

– Склоняюсь перед мудростью вашего сиятельства, – лстиво хихикнул губернатор, выслушав графа. – Сам знаю, что слова ваши правильны. Пусть Пугатшофф остаётся тем, кто он есть – бунтовщиком и самозванцем, а правильное сказать – ничем! Барон Биллов сумеет «растолковать» изменникам-казакишкам, кто хозяин в губернии и чьи приказы им следует исполнять. Они же шайка разбойников, только и всего. А их намерения – погулять, попить, пограбить! И мой разговор с воровским сбродом будет недолог. Без особого труда мы сметём с лица земли всю эту нечисть!

– Ого-го, полегче, Иван Андреевич! – остановил его задетый за живое граф Артемьев. – Говорите «сметёте нечисть»? Отлично! Я тоже за разгром войска бунтовщиков. – Он оглядел собравшихся. – Вот именно, господа, не шайку, а войско, которое с каждым днём всё разрастается. Казаки – отличные воины, а именно они составляют основной костяк войска Пугачёва.

– Да мы! Да вы... – Биллов вскочил, судорожно теребя эфес своей роскошной шпаги.

– Пока не уберём Пугачёва, бунт будет разрастаться! – отрезал граф. – И если не примете меры немедленно, скоро «Вильгельмьян» появится у стен Оренбурга!

– Всё, всё, всё! Успокойтесь, господа! – замахал руками губернатор. – Не будем же себе портить настроение из-за таких пустяков.

– И это вы называете пустяками? – побагровел граф.

– Вот именно, пустяками, – заулыбался растеряннo губернатор, с опаской посмотрев на него.

– Тогда для чего вы меня сюда позвали? – загремел Александр Прокофьевич, позабыв о правилах приличия. – Чтобы пустяки выслушивать?

– Нет, нет, нет, ваше сиятельство, – поспешил с заверениями губернатор, с лица которого сползла улыбка. – Александр Прокофьевич, и вас, господа, – он скользнул взглядом по озабоченным лицам офицеров, – пользуясь случаем, я приглашаю вас сегодня на праздничный ужин, который устраиваю в честь... Впрочем, какая разница, в честь чего я его устраиваю.

* * *

Шагая в направлении шляпного салона, граф Артемьев с раздражением думал: «Какая же пустышка этот жалкий человечиска Рейнсдорп! Как не повезло Оренбургу, что на должность губернатора назначен такой непроходимый тупица! И куда только смотрели в Петербурге, назначая хронического идиота на такую ответственную должность? И как мудр оказался

король Людовик Пятнадцатый, сделав беспронижимую ставку на Оренбург и бездарность губернатора! Наверное, более подходящего места для бунта нигде более в России не сыщешь!»

Придя домой, Александр Прокофьевич выдворил слуг из своей комнаты, откупорил бутылку вина и задумался.

Откуда у Пугачёва деньги на ведение войны, он знал. И тех, кто ввозил эти деньги в Россию, он знал тоже. Но как самозванцу удалось взбунтовать и сплотить вокруг себя казаков? И кто мог надумать Пугачёва назваться умершим императором? На эти вопросы он не знал ответа. И это угнетало теперь его не меньше, чем судьба дочери и сына.

Александр Прокофьевич налил в бокал вина и выпил. Мысли о Пугачёве так и не покидали его головы.

Решиться на такой размах сам Пугачёв отважился бы едва ли! Значит его кто-то на то подтолкнул! Допустим, что это сделали французы. Они же его и финансируют. Но на что надеется Людовик? Какой такой его интерес в этом бессмысленном, но кровавом бунте? Что связывает интересы Франции с самозванцем, которому никогда не победить армию императрицы?

Вопросов, на которые граф не находил ответа, становилось всё больше и больше. Александр Прокофьевич вдруг понял, что тупеет, а потому налил в бокал ещё вина и выпил.

«Франция – союзница Турции, – пробилась более-менее здравая мысль, – а Россия с Турцией ведёт войну! Так вот где собака зарыта! Так вот для чего понадобился союзникам этот бунт! Чтобы оттянуть часть войск императрицы на подавление бунта и обеспечить Турции победу!»

Граф Артемьев отдал изрядную дань французскому вину. Лицо его пылало, глаза горели. В скверном расположении духа он вскочил на ноги. Открыв дверь в коридор, он громко позвал:

– Демьян! Эй, Демьян! Где ты, каналья?

Слуга немедленно отреагировал на зов барина. Вбежав в дверь, он отвесил низкий поклон и замер в ожидании приказа.

– Где тебя носит лихоманка, Демьян? – с укором в голосе спросил граф.

– Дык, посетителя выпроваживал.

– Какого ещё посетителя? – удивился Александр Прокофьевич.

– А кто его знает, – пожал могучими плечами Демьян. – Постучал какой-то проходимец и вас видеть напрашивался.

– Так чего же ты меня не спросил – желаю я его видеть или нет? – сдвинул брови граф, недовольно глядя на слугу.

– Дык...

В дверь постучали.

– А он и не ушёл, видать, – улыбнулся облегчённо Демьян. – Что, позвать али как, Ляксандр Прокофьевич?

– Давай зови, – велел граф, поворачиваясь. – Я буду ждать, как и всегда, в холле.

Как только он присел в кресло, дверь открылась и в комнату вошёл закутанный в плащ молодой человек. Когда он снял треуголку и отвесил лёгкий поклон, Александр Прокофьевич печально ухмыльнулся:

– К чему такой маскарад, поручик? Или вы считаете, что открытый визит ко мне может причинить ущерб вашей репутации и карьере?

– Ну зачем вы так, Александр Прокофьевич? – смутился и сильно покраснел адъютант Рейнсдорпа. – Просто губернатор почему-то не доверяет мне. И я беспокоюсь, что мой визит к вам Иван Андреевич истолкует неправильно.

– Вот как? – усмехнулся граф. – Впрочем, может быть, ты и прав, поручик. Иван Андреевич до того непредсказуем, что смысл его умозаключений, пожалуй, известен только ему одному!

Он указал гостю на стул и продолжил:

– Надеюсь, ваш приход ко мне не просто визит вежливости, а несёт в себе что-то более существенное?

– Вы абсолютно правы, Александр Прокофьевич, – ответил адъютант, присаживаясь. – Я, видя в вас человека здравомыслящего, пришёл обсказать ещё кое-какие моменты, которые... не знаю почему, но не были затронуты на совещании!

– А для чего мне знать о них, поручик? – рассмеялся граф. – Я видел, как губернатор относится к своим прямым обязанностям. Но, как вы, наверное, себе представляете, чем-либо повлиять на это не могу!

– Можете, если вам дорога Россия! – ошарашил его полной патриотизма фразой адъютант.

– Чем же, если не секрет?

– Вы должны написать письмо в Военную коллегию и отразить в нём всё, что происходит в крае на самом деле!

– И вы думаете, что к моему письму отнесутся с должным вниманием?

– Несомненно. Не поверят мне! Я молод и могу оценивать происходящее не совсем верно. Но вы... Ваши связи...

– Хорошо, – кивнул граф. – Но, прежде чем я возьму в руки перо, хотелось бы знать, что утаил или недосказал на совещании губернатор?

Взволнованный адъютант снял с головы парик и вложил его в треуголку.

– Губернатор не сказал о том, что Илецк взят самозванцем и встречен населением хлебом-солью.

– Об этом нам с вами, да и всем на совещании было доподлинно известно, – скептически усмехнулся Александр Прокофьевич.

– Но меня возмущает то обстоятельство, что губернатор относится к таким вещам весьма халатно! – воскликнул поручик. И тут его прорвало. Краснея, сжимая кулаки, он запальчиво высказал графу всё, что у него накопилось. – Это возмутительно и... и... – не находя слов, он махнул рукой и устался в окно, словно увидел в нём что-то интересное.

– Я думал, Иван Андреевич более ответственный человек, – после недолгого молчания разочарованно выдавил из себя молодой человек и с досадой скрипнул зубами.

– Я думал до сих пор, что мирный путь предпочтительнее, – сказал граф. – Но я вижу, что бунт заходит слишком далеко. Достоинство и авторитет власти требуют, чтобы такие случаи, как бунт Пугачёва, больше не повторялись.

– Губернатор направляет в Татищево отряд во главе с Биловым, – горько усмехнулся поручик. – Да это же капля в море! Я бы двинул на Пугачёва всё войско, какое только можно собрать в наших условиях! Это преступно – дожидаться врага за ненадёжными укреплениями города!

– А по-моему, лучше всего было бы изъять главарей этих смутьянов, – высказал своё предположение граф.

– Вы изволите знать их?

– Прежде всего это Пугачёв. Впрочем, ещё опаснее Егор Бочков, француз по национальности. Мне кажется, он сейчас самое важное лицо в войске бунтовщиков на сегодняшний день.

– Что, у самозванца в шайке есть и французы?!

– Есть. И очень сведущие в военном искусстве, – ответил ледяным тоном Александр Прокофьевич. – Вот потому-то этот месье «Бочков» опаснее всех. У него, бесспорно, огромное влияние на Пугачёва. Если он захочет, – а вы можете не сомневаться, что он захочет, – он разожжёт бунт до неслыханных масштабов. Убрать Бочкова и Пугачёва, и бунт быстро уляжется.

– Всею душою уповаю, что это случится весьма скоро! – с надеждой в голосе воскликнул офицер. – Но, думаю, что у бунтовщиков не хватит дерзости идти на Оренбург.

– А я думаю иначе, – нахмурился граф, наливая себе и гостю вина. – Я почти уверен, что скоро мы услышим гром пушек и звон сабель за городскими стенами!

И холодные глаза Александра Прокофьевича вспыхнули злобой при одном только упоминании об этом...

* * *

Утром 25 сентября 1773 года отряд бригадира Билова вышел из Оренбурга и взял направление на Татищево.

Медленно продвигались солдаты по степи, хотя до Татищева всего ничего, чуть более шестидесяти вёрст. Отряд проходил через умёты и небольшие селенья. Где же люди? Никто их не ждёт. Только изредка из окошек изб выглядывали настороженные лица. Солдаты в тревоге. Где они идут – среди друзей или врагов? А может быть, люди в селеньях ждут Пугачёва и заранее ненавидят его врагов?

Вскоре отряд остановился на привал. Идти дальше не было сил. С каждой минутой становилось всё темнее. То тут, то там зажглись костры. Они были уже недалеко от Татищева, как вдруг к их временному лагерю прискакал офицер.

– Где Иван Карлыч? – спросил он.

Его подвели к поручику.

– Вы кто? – спросил тот.

– Комендант крепости Елагин, – с радостью ответил тот. – А где же бригадир Билев?

– Он подъедет чуть позже, – ответил поручик. – А что у вас? Случилось что?

– Пока не случилось, но ждём, – со вздохом ответил пожилой комендант. – Вы бы поспешили Бога ради, братцы? Не теряйте ни минуты! Самозванец уже к Нижне-Озёрной крепости подошёл!

У лагеря остановилась коляска, с которой сошёл барон Билев.

– Ох, Иван Карлович! – поспешил к нему навстречу Елагин. – А мы ждём вас! Ох, как ждём, батюшки!

Тучный, коротконогий, но очень важный Билев поправил на себе обмундирование, после чего спросил:

– Сколько душ в шайке самозванца?

– Больше трёх тысяч... говорят... – неуверенно ответил комендант.

– Ско-о-олько?! – вытаращил глаза Билев.

Он побледнел, руки его задрожали, а в горле пересохло. Это уже был не герой-смельчак, каковым барон выставлял себя на совещании губернатора, а жалкий испуганный человечек, отчаянно нуждавшийся в чьей-то помощи.

– До Татищева далеко? – спросил он поблекшим голосом, пугливо озираясь.

– Да нет, рукой подать! – заверил его комендант, не заметив, в каком состоянии пребывал бригадир.

– Тогда чего мы здесь, в степи, расселись? – набросился Билев на поручика. – А ну живо подъём и шагом марш до места назначения!

– Поспешите! Поспешите, братцы! – умолял Елагин. – Народ из крепости разбегается. Особенно казаки. Все бегут к самозванцу!

– Ну быстрее же, быстрее! – простонал бригадир, глядя на строящихся в походную колонну солдат. – Вперёд, солдаты, на Татищево. Иначе ночь и мы пропали! О Вильгельмьян Пугатшофф, чтоб тебя перекосило, собака!

Отряд выстроился в походную колонну. Было уже совсем темно, когда в крепости услышали шум. Народ перепугался. Со степи к стенам крепости продвигалась колонна. Друзья или враги – разобрать в темноте было невозможно.

– Это я, комендант! – крикнул громко Елагин. – А ну, отворяй ворота, сукины дети! К нам выручка пожаловала, а вы...

Он крепко, но беззлобно выругался и для порядка погрозил кулаком людям, спешно отворяющим крепостные ворота.

Глава 7

В центре Яицкого городка, напротив церкви стоял большой бревенчатый дом, известный как атаманова изба. За стенами дома «вершились» все административные и военные дела Яицкого казачьего войска. Здесь же находились канцелярия и управление городка.

У атамановой избы, именуемой также с недавних пор «палатами коменданта», громко бил барабан. Это означало общий сбор по случаю приезда в Яицк важного гостя.

Весь сыр-бор был из-за того, что хан Нурали пожаловал в Яицкий городок под видом переговоров «с начальством», коему он якобы собирался предложить свои услуги.

Его встретили на крыльце комендант Симонов, опухший после длительного запоя войсковой старшина Бородин, капитан Крылов и еще несколько офицеров гарнизона. Гости и хозяева, запершись в избе, приступили к переговорам.

Все жители городка собрались у избы, стгорая от любопытства и нетерпения хоть что-то узнать о причинах приезда «важного кыргызина».

Среди возбужденно гудевшей толпы появился юродивый. На нём была старая, во многих местах заплатанная одежда, с плеча свешивалась странного вида сумка.

– Юродивый! Ополоумевший бедняга! – зашептались люди.

– Ратуйте, люди! – закричал вдруг юродивый. – Чёрт кыргызина на себе притащил! Знать, в степи жареным запахло!

– Вы только послушайте, послушайте! – слышалось в толпе. – Что юродивый болтает, послушайте!

– Но Господь отвернулся от вас, забыл он вас, ха-ха-ха, забыл... Потому это, что вы от него отвернулись! Господь высоко, а сатана рядышком. По степи гуляет да царём себя называет!

Пожилая казачка, трепеща, пробиралась сквозь толпу, стараясь разглядеть лицо юродивого.

– Эй, люди, чего же вы охмурились? Призовите Христа в обрат к себе, и сатана из степи сам исчезнет!

Юродивый подпрыгнул на одной ноге и захохотал.

– Да это ж Ярёма Портнов, постоялец мой! – Пожилая казачка побледнела и, не отрывая взгляда, пристально смотрела на несчастного безумца. А Портнов ударил себя по коленям и воскликнул:

– У Ярёмы денег много,

У Фомы один пятак!

У Ярёмы стругов много,

У Фомы бударушка!

Вот Ярёма стал тонуть,

Фому за ногу тянуть...

– А ну-ка что глазете? Глазёнки сломаете! Пляши, казаки, пляши шибче! – воскликнул с пеной у рта Портнов.

Нюра Рукавишникова зарыдала и с надрывом выкрикнула:

– Ярёма!

Все с удивлением посмотрели на неё. Нюра похолодела, сердце у неё замерло, всё её горе вырывалось в громких рыданиях.

Портнов, повернувшись, бросился было к ней, но сразу остановился и издали посмотрел на Нюру. Его лицо побледнело. Он осмотрел толпу, и всех испугал его тяжёлый взгляд. Он сделал шаг к плачущей Нюре и протянул к ней руки.

– К тебе слуга Сатаны привёз девочку из Оренбурга? – он пристально посмотрел в лицо Рукавишниковой, словно впервые её видел.

– Да нет, ко мне никто и никого не привозил, Ярёмушка! – разрыдалась сердобольная Нюра и повернулась к угрюмо наблюдавшим за ними казакам. – Да это же постоялец мой, Ярёма! – воскликнула она. – Он давно уже с головешкой маялся, а сейчас...

– А про какую ещё девочку он говорит? Нечему тут дивиться, ополоумел Ярёма, – заговорили вокруг.

– Ярёмушка, милый, ты меня не признаёшь? – спросила Нюра, сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

– Девочку к коменданту сведите, а не то горе вам, – вещим голосом, закрыв глаза, заговорил «юродивый». – Она здесь средь вас, ведаю я. Ежели не сведёте её – большое воровство начнётся! Сатана в разгул пойдёт, а апосля к себе в ад мырнет! А вы... все вы станете ходить друг к дружке на похороны!

Он замолчал, прошёл сквозь толпу, расступившуюся перед ним, и пошагал в сторону кладбища.

– Матерь Божья, когда он говорил, я аж тряслась вся! – сказала одна из казачек, крестясь «юродивому» вслед.

– А что говорил? Слыхали? – пробубнил кто-то из мужчин. – Юродивые завсегда истину сказывают!

– А мой-то дурень к «царю» этому подорвался, – зарыдала ещё одна казачка. – Я не пуцаю, а он из ноги ломит! Ни в какую со мною не соглашается. А мож, взаправду и не царь он, а Сатана из аду?

– Цыц, замолчъ, Марфа! – рыкнул на неё стоявший рядом казак. – Он полоумный и мелет что ни попадя. А Митюха твой разумно поступил! Когда государь возвернётся, я тоже под евоное крылышко переметнусь!

– Он хоть и безумные речи молвит, а всё ж есть в них истина! – загудела толпа. – Господь ему судья!

– А где же он до сих пор отирался? – выкрикнул кто-то.

– Там был, куда Господь водил! – ответили верившие в святость юродивого казаки. – Смилуйся, Господь, над нами, плохи наши дела!

Потеряв интерес к визиту хана, люди стали расходиться. Возле атамановой избы всё стихло. Только Нюра Рукавишникова стояла, словно пригвожденная, на месте. От внезапного горя она сама едва не лишилась рассудка. К ней подошла Пелагея Коновалова и тихонечко тронула за плечо.

– Чего тебе? – спросила Нюра, всхлипнув.

– Да вот, – Пелагея замолчала, не зная, что сказать.

– Тогда ступай себе с Господом, а я...

– Филат мой из Лямбурга девочку привёз, – тихо зашептала, озираясь, Пелагея.

– И что с тово? – нахмурилась Нюра.

– Ты это... Юродивому об том обскажи.

– А для чего?

– Может, беду отведёт? Да мой Филатка от Сатаны уйдёт и домой возвернётся.

– А девочка та где? – спросила Нюра, уже более осмысленно глядя на собеседницу.

– В избе у меня, где ж ещё.

– А зовут как?

– Кажись, Машенькой кличут. Но Филатушка мой и ещё Прохор Бочков зараз упрядили, чтоб Грунею её называть, ежели кто обспрашивать об ней станет!

– Айда, – схватила Пелагею за руку Нюра. – Сейчас Ярёмушку сыщем и сама ему обо всём обскажешь. Глядишь, Господь беду от нас всех отведёт, да и головушка у него прояснится!

Казаки, ожидавшие возвращения Пугачёва, чтобы примкнуть к его войску, собрались на берегу Яика. Их разговор начался с жалоб. Каждый рассказывал о своих делах, но старался не касаться предостережений, высказанных недавно «юродивым».

– Хреновы дела, казаки. Государь вон воюет, а мы... Когда он к Яицку подходил, надо было не раздумывать, а зараз к нему бежать! – сетовал Миней Жабин.

– А я чтой-то засумлевался зараз, – потеряв кончиками пальцев виски, сказал Матвей Плотников. – Слышал, что юродивый брехал? У меня аж мураши по коже табуном скакали!

– Да ты что, Матюха? – возмутился Егор Зотов. – Да ведь полоумный он. Брехал что на язык попало, а вы и уши поразвесили.

– А ты не ори, пустобрёх, – вступился за Плотникова Ерофей Ружейников. – А ежели верно брехал юродивый? Мне ещё бабка обсказывала, царствие ей небесное, что устами юродивых сам Господь говорит! Зараз все пропадём, ежели пойдём на воровство и смертоубийство! Для того мы и сошлись сейчас, чтоб обмозговать сообча, как беду обойти.

– Ту девчушку сыскать надо б и к коменданту свести, – сказал Матвей Плотников, степенный казак, пользующийся в Яицке большим уважением. – Не знаю, что болтал юродивый – правду али кривду, но бережёного Господь бережёт!

– А где искать-то её? – насторожились казаки.

– Здесь, в Яицке, где же ещё, – ответил Плотников.

Казаки изумлённо переглянулись.

– Что, по дворам ходить будем? – съязвил Зотов.

– Надо будет – и по дворам пойдём, – спокойно ответил Плотников. – Девчушку сыщем, а апосля и про царя покалякаем!

– Вот и вразуми как быть? – спросил за всех Миней Жабин. – Ты в эдаких казусах поболя нас кумекаешь.

И, пожав плечами, Плотников высказал своё мнение.

– Все зараз ведаете, казаки, что доводилось мне в Петербурге стольном бывать? – начал Матвей и обвёл пытливым взглядом присутствующих, которых собралось вокруг него не менее пяти десятков. Увидев, как они утвердительно кивнули, продолжил: – Царя самого я не зрил, брехать не буду. А вот князьёв да графьёв повидал цельные тыщи!

– Ну и что с того? – выкрикнул Зотов. – Графья графьями, а вот государь... Дык ты ж его не зрил, Матюха?

– Вот и я про то, – продолжил Плотников. – Графья и князья, значит, что девки рядются! Рожи пудрой посыпают, парики на бошки пелят. А на нас, что на вошей, глядят!

– Тьфу, твою мать! – выругался Зотов, который всё ещё не понимал, куда гнёт Матвей. – Ты не ходи околицами. Говори прямо – царь-то здесь при чём?

– А при том, – ухмыльнулся Плотников. – Царь он есть государь и ампирактор! Он поди ещё хлеще князьёв да графьёв рядится! А те, как букашки, перед ним на коленях ползают! И разве царь снизойдёт до того, чтоб с казаками брататься? А этот... Емелька который... Да у него на лбу выжжено, что самозванец он, а не помазанник Божий! Я только помыслию, что вдруг сапог евоный лобзать придётся – ей-ей, аж с души воротит!

– Дык он что к нам пожаловал! – воскликнул Борис Хвостов. – За справедливостью! Его же жинка с трону спихнула и до смерти зашибла, паскуда! Он-то жавёхонек остался и куда деваться-то? Вот он зараз к нам и пожаловал!

– Как был ты дурень, Борька, таковым и остался! – беззлобно ухмыльнулся Плотников. – Будь он царь оживший, дык не средь нас справедливость свою искал, а у королей заморских! И турки бы ему подсобили, и французы не побрезговали б... Их Людовик ампира трицу нашенскую на дух не переносит!

Слушая такие «железные» доводы, многие казаки от изумления раскрыли рты и расширили глаза.

– Ну что, слопали? – встав с пня, расправил плечи Матвей.

– Я прямо теперь не знаю, что и думать, – озабоченно покачал головой Ружейников.

Беседа становилась жаркой, высказывались самые различные мнения, но были люди, которые старались отвлечь внимание казаков от основной темы. Против доводов Плотникова особенно возражал Егор Зотов. Зато Ружейников решительно поддержал Матвея.

– Государь вот трон возвернёт и враз всем волю даст! – орал, надрывая голосовые связки, Зотов, стараясь перекричать всех остальных. – Все знаете, как он крепостя берёт. Шутя! Зараз все ему в ножки кланяются!

– Пушай даже государь Емеля-то, – орал своё Ружейников. – Когда он до трону доберётся, и от нас всех, как от мух, отмахнётся.

– От тех отмахнётся, кто рядом с ним в годину лихую не был! – вторил Зотову Борис Хвостов. – Государи тех уважают, кто рядом зараз, а не опосля примазывается!

Плотников взялся успокаивать Зотова, Ружейникова и Хвостова, но поднялся такой шум и гам, что голоса Матвея нельзя было расслышать.

И вдруг все увидели приближающегося к ним казака, которого никто не признал, но...

Нюра Рукавишникова и Пелагея Коновалова нашли Портнова на кладбище. Он одиноко сидел среди могил, обхватив голову руками.

«Юродивый» размышлял: «Кажется, все получилось именно так, как я задумал. Правда, неожиданный приезд хана Нурали несколько изменил ход событий, но, слава богу, всё наладилось!»

План Баркова был прост. Он всего лишь собирался сыграть на суеверии казаков, настроить их против самозванца и, быть может, выйти на след Машеньки Артемьевой, если, конечно, Флоран не успел вывезти её из городка в более недоступное место.

Перебирая в памяти всё, что произошло у атамановой избы, Барков поздравил себя с маленькой победой. Ни у кого из присутствующих не вызвало сомнений, что он юродивый. Ему удалось внести своим «бредом» в души казаков частицу сомнения относительно личности «ампиратора» Пугачёва. А вот удалось ли ему убедить тех, у кого спрятана девочка, вернуть Машеньку коменданту Симонову? В том, что прячущие девочку люди присутствовали у избы, Барков не сомневался. Теперь оставалось придумать, как вновь перевоплотиться из юродивого в нормального человека. Судя по реакции казаков и Нюры Рукавишниковой роль безумца удалась на славу, а вот...

– Вон он, сердешный! – услышал капитан полный тревоги возглас Нюры и мгновенно оторвался от своих раздумий.

Женщины осторожно приблизились и встали сзади, не решаясь нарушить тишину вокруг «юродивого».

– Ну? Что вам? – подняв голову, посмотрел на их озабоченные лица вполне осмысленным взглядом Барков.

– Вот, – Нюра легонько подтолкнула вперёд Пелагею, – она ведаёт, где девочка, из Лямбурга привезённая!

Услышав радостную весть, капитан едва не подпрыгнул на месте. Но вовремя сдержался и, напустив на себя полный равнодушия вид, вяло проговорил:

– Девочку? Какую ещё девочку?

– Да эту, что мой Филат с Егоркой Бочковым из Лямбурга привезли, – прошептала, едва ворочая от страха языком, казачка.

– Не знаю ни про какую девочку, – пожал плечами Барков, успешно входя в новую роль вернувшегося из сумасшествия человека.

– Дык... – Пелагея непонимающе посмотрела на полное безразличия лицо «юродивого», потом перевела взгляд на вытянувшееся лицо Нюры, словно моля её о поддержке. – Дык давеча ты сам вещал у избы атамановой, что возвратить девочку надо. Симонову, коменданту!

– Вот и вертайте её коменданту, ежели надо, – снова обхватил голову Барков. – Я ни о какой девочке знать ничего не знаю.

Пелагея моргала и ловила ртом воздух, как выуженная из реки и брошенная на берег рыба. Её убогий ум никак не мог понять, что происходит.

– Ярёмушка, милай! – всплеснула руками Нюра. – Неужто ты сызнава в ум возвратился? Барков взглянул на неё удивленно, как будто только что увидел.

– Об чём ты, Нюра? – спросил он и, словно пробудившись ото сна, осмотрелся. – А что мы тут делаем?

– О Господи! – закрестились поражённые казачки. – Спаси и помилуй нас!

Барков встал, ещё раз оглядел кладбище и нахмурился:

– Что-то не припомню я, чтоб кого хоронить али поминать собирался?

– В ум вошёл, о Господи! – воскликнула счастливая Нюра.

– А девочка как же? – всё ещё «блуждала» в догадках Пелагея. – Дык ты ж говорил, что девочку возвратить надо б, а не то Господь на Яицк свой гнев обрушит?

– Это не он, а сам Господь его устами молвил, – улыбнулась сквозь слёзы Нюра. – Иди и сделай, как Ярёма вещал в беспамятстве. Видишь, чудеса какие? Он ведь про девочку знать не знат, а говорил об ней, будто...

– Айдаге зараз вместе за ней, – не дал ей закончить Барков. – Хочу взглянуть на девочку, о которой вы здесь калякаете.

Они остановились у калитки дома Коноваловых.

– Сейчас я, – сказала Пелагея, оставив «гостей» во дворе, а сама поспешила в избу.

Через пару минут она появилась на крыльце с встревоженным лицом и трясущимися руками.

– Чего одна? – спросила Нюра, не заметив, как сильно изменился в лице Ярёма.

– А нету девочки-то, – развела удручённо руками Пелагея. – Мальцы мои сказывали, что казак за ней приходил. Микитой Караваевым назвался. Вот, дескать, он девочку и увёл.

– Как, говоришь, назвался? – нахмурилась Нюра.

– Микитой Караваевым.

– Чтой-то я не припомню эдакова.

– Да он не здешний, а с Лямбурга. Ещё, помню, Егорка Бочков сказывал, что этот Микита зараз девочку к нам в Яицк «погостить» отряжал.

«Никита Караваев! – обожгла мозг Баркова тревога. – Так и есть. Этим именем казаки называли проходимца Анжели! Неужто граф отпустил его? А быть может...»

– Куда он повёл девочку? – побледнев, спросил Барков, ненавидяще глядя на растерянную казачку.

– Вон туда, к реке, – указал малец, выглянув из-за матери и шмыгнув носом.

– Он один был?

– А я почём знаю, – ответил малец. – К нам в избу один заходил, а тама кто его знает.

Капитан развернулся и поспешил к калитке.

– Ты куды, Ярёмушка? – крикнула ему вслед Нюра.

– Девочку возвратить, чтоб кара Господа на ваши бошки не обрушилась, – не оборачиваясь крикнул Барков, убыстряя шаг, и подумал: «Если настигну этого проклятого француза, то убью незамедлительно!»

Шум утих, и казаки с удивлением посмотрели на «юродивого».

– Чаво тебе тут надобно? – грубо спросил Егор Зотов.

Барков остановился и поклоном поприветствовал собравшихся.

– Хочу вот полюбопытствовать... не подходил ли к вам казак Никита Караваев?

Кое-кто ухмыльнулся, другие с недоумением смотрели на «юродивого». Ерофей Ружейников и Матвей Плотников поднялись, стараясь через головы казаков разглядеть странного пришельца.

– С ним должна быть девочка. Вот её я и ищу!

– С утра вроде юродивым был, а сейчас... – округлил глаза Зотов. – Сейчас он и на помешаного не походит?

– А может, он и беды на бошки наши зараз выдумал? – выкрикнул Борис Хвостов.

Казаки вновь загудели, как встревоженный улей, горячо обсуждая странность поведения пришедшего «юродивого».

– А может, он комендантом к нам подослан? – слышались недоброжелательные выкрики.

Барков устоял на них и с усмешкой сказал:

– Подсобите мне девочку сыскать, казаки? А когда я калякал с вами давеча у атамановой избы, то не в себе был. Не взыщите уж. Эдакое, бывает, на меня находит!

Зотов помрачнел.

– Ты на государя нашего хулу возводил и непотребности высказывал!

– Так то в помутнении пребывал я... уж не взыщите!

– И впрямь всё запамятовал, что язык твой пёсий молот?

Барков улыбнулся. Эта улыбка окончательно «огорчила» казаков.

– Может, камень на шею, да в Яик его? – предложил выкриком Борис Хвостов.

Страсти разгорелись с удвоенной силой. Барков стоял, потупив глаза. А сторонников Зотова и Хвостова становилось всё больше; те, кто колебался, примкнули к большинству, и в конце концов Матвею Плотникову пришлось махнуть рукой и сердито проворчать:

– Видать, придётся и мне согласие дать.

Все охотно согласились с ним. Казаки повернулись к Баркову, на которого пристально смотрел Зотов.

На губах капитана мелькнула еле заметная улыбка. И вдруг... Он вздрогнул.

– Ратуйте, казаки! – выкрикнул Барков с безумным видом, тыча пальцем куда-то в верховья реки. – Вон, глядите, слуги Сатаны уже скачут. Падайте ниц, безумцы! Чего стоите? Они скачут за вашими душами!

Вдоль реки скакал отряд всадников. Казаки увидели, как «юродивый» подбежал к реке и зачерпнул воду пригоршней.

– Вот и всё! – выкрикнул он. – Бегите кто куда, покуда ещё не поздно!

– Что это с ним? – глядя на умывающегося «юродивого», спросил Ружейников у Матвея Плотникова, который, прикрыв глаза, наблюдал за приближающимися всадниками.

– Сам уразуметь не могу, – ответил тот.

– Может, дозорные? – предположил Зотов, вставая рядом.

– Уж шибко много их, – нахмурился Плотников.

– А может, хан кыргызский уезжат? – предположил кто-то.

– Не хан это, – сказал Борис Хвостов. – И барабаны не бьют, и Нурали не этой тропой, а дорогою в обрат поедет...

Воспользовавшись ситуацией, когда внимание казаков было отвлечено наблюдением за приближающимся отрядом, Барков поспешил прочь от поляны. Он уже понял, что казаки не видели Анжели и девочку, и следовало уносить побыстрее ноги.

– А ну стой! – услышал он окрик, но не остановился, а побежал.

Сзади послышались крики. Грянул выстрел, пуля ударила в землю рядом. Барков громко захохотал.

– Счастливо оставаться, увальни толстопятые! Поберегите порох! И в другой раз цельтесь лучше!

И точно сквозь землю провалился.

Притихшие в ожидании «гостей» казаки тревожно разглядывали всадников. И вдруг... Вверх полетели шапки, и толпа казаков разразилась громкими криками. Так они приветствовали своих земляков, неожиданно-негаданно возвратившихся из сибирской ссылки.

Конный отряд, приближаясь, перешёл с галопа на рысь. По команде скакавшего впереди верхового всадники сорвали с голов шапки и подбросили их вверх.

– Дык это ж Ванька Кирпичников! – крикнул Матвей Плотников, громко вдарив ладонями друг о друга. – Дж это же нашенские из Сибири вертаются, только поглядите!

– Ванька возвратился с казаками! Знать, Господь ещё не отрёкся от Яицка, как брехал энтот «юродивый»! – орал, не жалея связок, Зотов. Лицо его, обычно угрюмое и недовольное, необычайно оживилось. Глаза горели отвагой. Его голос заглушал шум и крики остальных.

Всадники спешили и тут же попали в объятия ликующих казаков.

– Ты ли это, Ивашка?! – обнимая Кирпичникова, кричал восторженно Матвей Плотников. – А я уж не чаял более с тобою свидеться!

– Ничего, Господь иной путь нам определил! – улыбаясь, говорил тот. – А я вот на вас глянуть прискакал. Да, ещё привет вам привёз!

– Привет? От кого ж?

– От самого государя ампиатора! Поджидает он вас, браты! А вы, как погляжу, зараз не шибко торопитесь!

Глава 8

На берегу Яика, напротив крепости выстроилось войско Пугачёва. Из-за крепостного частокола выглядывали защитники, следя за всем, что происходит. Среди солдат, готовящихся больше к смерти, чем к сопротивлению, находился и комендант Нижне-Озёрной крепости – майор Харлов.

Перед казачьим войском стоял сам Пугачёв, а рядом с ним полковники и советники из его «свиты».

– Браты! – крикнул «государь» растроганным голосом. – Вот ещё одна твердыня встала на нашем пути! Но нутро у неё гнилое. Все казаки из крепости уже к нам перетекли. А те, кто за стенами остался, – знать не желают под мои знамёна идти! Господь им судья. Знать, жить не хотят, вороги! Сейчас мы сильны, потому что стоим за дело правое!

Пугачёв снял шапку и, подняв глаза к небу, сказал:

– Господь! Ты зришь нас, стоявших здесь! Ты ведаешь, что не со зла мы тут стоим, и пришли мы не зло сотворять, а добро выручать! Пошли нам благословенье своё, Господи!

– Государь, – сказал Андрей Овчинников, – не изволь беспокоиться. Ещё к полудню мы эту крепостицу по брёвнышкам разнесём! А сейчас порадуем коменданта Харлова сурпризом!

Он махнул рукой, и один из казаков вскочил на коня. К нему подвели лошадь с привязанным к седлу мёртвым седоком, и казак поскакал к крепостным воротам, увлекая лошадь следом за собой.

«Ну вот, случилось самое худшее! – подумал майор Харлов, разглядев привязанного к седлу капитана Сурина. – Хорошо хоть супругу свою в Татищево к тестю отправил, а не то...»

Харлов с сожалением посмотрел на свой жалкий гарнизон и обречённо вздохнул. «Если из Татищева подмога не подойдёт, то к вечеру все мы погибнем!» Комендант пребывал в отчаянии, но твёрдо решил обороняться до конца. Четыре офицера и горстка солдат – вот и всё, что он собирался противопоставить войску бунтовщиков.

Но бунтовщики почему-то не спешили атаковать крепость. Они расположились лагерем, развели костры и вели себя тихо.

Остаток дня майор провёл, как голый на сковородке. А когда над крепостью начали стучаться сумерки, он не выдержал.

– Орудия к бою! – приказал он канонирам. И те нехотя запалили фитили.

До лагеря мятежного войска было далеко. И Харлов знал, что ядра из пушек едва ли долетят до цели. Но ради успокоения ропщущего гарнизона он решил хотя бы стрелять в сторону противника вхолостую. «Может, одумаются и уйдут? – думал Харлов, закладывая в жерла пушек “картузы” с порохом. – А не уйдут, так...» – мысли спутались после грянувшего залпа, а сердце сжалось от тягостного предчувствия.

В стенах крепости Татищево бригадир Билов растерял остатки храбрости. Комендант Елагин и его дочь, которая являлась женой майора Харлова, безуспешно уговаривали его двинуться с отрядом к Нижне-Озёрной. Барон был непреклонен.

– Тут дело не шуточное, – отбрыкивался Билов. – Харлову теперь сам Бог не поможет, а нам о себе предстоит позаботиться!

Но Лидия не оставляла попыток хоть как-то воздействовать на трусливую душонку бригадира. Она умоляла Билова двинуть отряд на выручку Харлова. Но Билов упорствовал, что люди ему самому нужны и что они ненадёжны.

Полковник Елагин тоже не оставался в стороне.

– Злодей заливает степь кровью, – настаивал он. – А казаки? Они чувствуют безнаказанность самозванца и стекаются к нему, как мухи на мёд. Ведь если бунтовщики разгромят Нижне-Озёрную, так они всенепременно двинут на нас!

– Знаю, – сказал сердито Билов. – Губернатор укоряет меня в бездействии. Вы тоже. Видит Бог, с меня довольно. Отряд мой мал по численности, и я не собираюсь гробить солдат в поле! И Корф, подлюга, не спешит на помощь. А почему? Он выжидает! Бунтовщики разгромят мой отряд и кто виноват будет?

– Иван Карлович, помилосердствуйте! – наседал Елагин. – Как бы то ни было, мы должны усмирить и разгромить бунтовщиков, потому что они поднялись против государыни. И у меня сердце кровью обливается, когда вижу, как народ в отчаянии теряет голову, а самозванец громит одну крепость за другой!

– Хорошо, – сдался наконец Билов. – Бунт надобно подавить, согласен, ибо в казаков вселился Сатана. Мы выступим ночью.

– Ночью?

– Да, – ответил решительно бригадир. – Мы постараемся проскочить в крепость ночью, чтобы не сражаться в степи. А сейчас всем готовиться к походу!

Поздно вечером отряд Билова построился в походную колонну. Офицеры заняли свои места, и по приказу бригадира отряд вышел за ворота крепости.

Осенняя ночь. По небу медленно ползут тяжёлые тучи, ветер гуляет по степи. В темноте, словно светлячки, светятся угли затухающих костров. Казаки из мятежного войска Пугачёва тихо дремлют, уронив головы на грудь, но не выпуская из рук оружия. Иногда между ними проходят караульные...

В шатре посреди лагеря расположился Пугачёв со своей «свитой». «Государь» греет руки над костром и смотрит на огонь, а у входа сидит Иван Зарубин-Чика, не сводя взгляда с крепости.

Около Пугачёва сидят двое. На подстилке из овчины – Егор Бочков. Перед ним на земле, обняв руками колени и впевнив взгляд в «ампиратора», Никита Караваев.

– Чего мы выжидаем, обскажите мне на милость, господа советники? – проговорил Пугачёв. – Зазря день минул. Сейчас бы уже в крепостице пировали.

Караваев улыбнулся.

– А что плохого в том? Ведь не кровушку льём напрасно? – спросил он. – Нам бояться нечего! Крепость обречена, и мы все про это очень хорошо знаем!

– Тогда чего выжидаем?! – вспыхнул Пугачёв.

– Государь, – сказал Караваев, – ты настоящий вождь, ты великий человек, ты лучше всех себе подобных! Народ почитает тебя чуть ли не святым, сошедшим к ним с небес на землю. А знаешь ли ты, государь, что я собираюсь сказать, о чём ты даже и не мыслишь? Мы, все твои полковники и советники, посовещались и решили...

– Что, уже без меня совещаетесь и решаете?

– Людям, воинам твоим толчок нужен! – мягко продолжил Караваев. – Завтра, перед боем ты, государь, перед войском выступишь. Что говорить будешь – подскажем!

– Постой, а для какова ляду в том надобность приспела? – удивился Пугачёв. – Я поди зараз перед каждой баталией слово говорю. И для чего войску толчок давать?

– Чтобы дисциплина не страдала, государь, – вступил в разговор Егор Бочков. – Нас настораживает, что войско твоё на вольных сабарманов походить начинает. Пропадёт дисциплина – тогда гибель! Казаки поменьше бы карманы себе набивали и мародёрствовали безнаказанно, а всё, что захвачено, не добычей называли, а трофеями и в казну «государеву» сдавали!

– И что я делать должен? – задумался Пугачёв.

– Ещё раз дать понять всем, что ты царь, Петр Фёдорович Третий, – продолжил Караваев. – Надо всегда держать войско в кулаке, чтобы люди не привыкли к тебе как к какому-нибудь атаману, а всегда почитали, боялись и уважали как императора!

– А что, разве эдак быть могёт? – вскинул брови Пугачёв.

– Могёт, но не будет, – усмехнулся Караваев. – С утра перед войском объяви, что Военную коллегия открываешь. В неё судья войти должен, писарь, дьяк...

– Ишь ты! – восхищённо воскликнул «ампиратор», уважительно посмотрев на своих советников. – А почто спозаранку, перед боем, сеё выкрикивать?

– Для того чтобы войско взбодрилось и грозной силушкой себя почувствовало! – посмотрев на Караваева, высказался Бочков. – А те, кто за крепостными стенами отсиживаются, лишний раз прочувствуют мощь твою и затрясутся от страха, натиска ожидаючи!

От крепостных стен грохнул залп нескольких орудий. Пугачёв поднял глаза, а Зарубин-Чика выскочил из шатра на улицу.

– Государь! – крикнул вбежавший Андрей Овчинников. – Комендант Харлов по нам из пушек палит! Может, войско строить прикажешь?

– Обожди, – сказал Пугачёв, – сперва вызнать надо б, пошто это комендант так шибко осерчал на нас? – Он посмотрел на Бочкова и Караваева: – Видать, коллегия уже в крепостице огласим. А сейчас...

В шатёр вбежал Чика, приведя с собой небольшого щуплого человечка. Тот сразу же бухнулся на колени:

– Из Татищева войско вышло. Голов пятьсот почитай будет! Барон Биллов ведёт его!

– Что ж, мы и его «приветим» с Божьей помощью, – сказал Пугачёв и взглянул на Чику: – Ивашка, выдюжишь?

– Не сумлевайся, государь! – расцвёл тот радостной улыбкой. – И в хвост и в гриву расчавостим!

Андрей Овчинников зажёл факел и покрутил им над головой. Словно в ответ на это от стен крепости снова послышался залп орудий. Затем зазвучали ружейные выстрелы в лагере Пугачёва. Послышался барабанный бой.

Лагерь ожил. Кругом копошились люди. В степи развернули пушки, и тут же ответный залп обрушил снаряды на стены крепости.

– Вперёд! – закричал Пугачёв, подскочив к передовым отрядам.

Войско двинулось на штурм.

– А ну стой! – крикнул Пугачёв полковникам, проскакав вдоль рядов.

Спустя несколько минут все военачальники собрались возле «государя».

– Господа! – сказал он. – Шибче глядите за казаками, чтоб не осрамиться зараз! Те, кто за забором, в остервенении пребывают и палят по нам, не жалеючи пороха!

– Всё исполним, государь! – бодро воскликнули возбуждённые предстоящим боем полковники. – Мы им покажем почём фунт лиха!

– Тогда вперёд, с Господом! – Пугачёв снял шапку и перекрестился. – Да исполнится воля твоя...

Увидев, как всполошился лагерь бунтовщиков, майор Харлов выстроил всех защитников крепости перед воротами и обратился к попу.

– Батюшка! – крикнул он. – Отпусти мне и всем защитникам грехи наши! Жену я отправил к отцу в Татищево. Там она в безопасности. А теперь я свободен и готов ко всему! Благослови меня, батюшка, на бой с антихристом!

– Бог благословит тебя и всех вас, воины! – заговорил поп ровным, спокойным голосом. – И теперь только Господь укажет вам правильный путь. Верьте в себя и в то, что вам небесами уготовлено! А теперь идите к стенам, воины, да пусть оберегают вас ангелы небесные своими

крыльями! Может, нам и не придётся свидеться больше, но мои горячие молитвы будут сопровождать вас!

Молча, как на верную смерть, защитники крепости обнимались и шли к стенам.

«Прощайте, люди! – смахнул слезу комендант. – Прощай, жена, прощайте все, кто меня любил и любит! А теперь я отдаю свой долг. Кому? На небесах и без меня в этом разберутся!»

Майор Харлов прицелился и нажал на курок. Грянул выстрел. Казак за стеной схватился за грудь и рухнул навзничь, а его конь взбесился и понёс, волоча за собой застрявшего в стремени полумёртвого всадника.

Из-за частокола выстрелы вспыхивали один за другим, как молнии, и прямо в гущу войска казаков. Тут падает конь, там выпадает из седла всадник; казаки пришли в замешательство, громко матерились и выкрикивали грозные проклятия. Забор крепости был высок, но казаки были на конях.

– Браты, на стены! – подгонял их в ночи громкий голос Андрея Овчинникова.

Но из-за частокола блеснули дула ружей. Огонь из них срезал казаков с сёдел. Над крепостной стеной и воротами нависла туча дыма, в котором едва можно было различить почерневшие, окровавленные фигуры ожесточённо рвущихся на частокол казаков.

– Вперёд, с Господом! – выкрикивал приказы Пугачёв, находящийся в самой гуще боя.

И конница бросалась к частоколу. Казаки вскакивали на сёдла и перепрыгивали через стену. Выбитые из сёдел, раненые, они вовсе не спешили зализывать раны, а взбирались на стену, цепляясь пальцами с обломанными ногтями за брёвна, орали, падали, стонали...

Пушки крепости вдруг смолкли. Это подбодрило войско бунтовщиков, и оно усилило натиск.

Со двора слышались сердитые выкрики:

– На поклон айда, братцы! Не выдюжим мы супротив казаков!

«А вот теперь всё кончено!» – подумал майор и поспешил к орудиям.

Молодой офицер Мишин помогал коменданту заряжать и наводить орудия, а тот палил по войску казаков ядрами и картечью. Благодаря стараниям Харлова и Мишина пушки гремели не переставая. Но они уже грохотали вслепую.

В этой суматохе комендант даже не заметил, как пугачёвцы разбили ворота и ворвались в крепость.

– Бог мой! Что же это, братцы! – закричал в отчаянии майор, увидев возле себя лишь четырёх офицеров и ни одного солдата. – Братцы! Да вы...

Войско Пугачёва наводнило крепость. Харлов выхватил из ножен саблю и с отвагой обречённого ринулся на врага. Взмахнув саблей, он увидел одного из своих солдат, который тыкал в его сторону пальцем и орал:

– Вот он, антихрист! Убейте его!

– Убьём подлюгу! – заорали казаки, и несколько пик разом вонзились в тело коменданта.

– Да что вы, рехнулись? – И майор, отступая, успел заметить, что оборонявшие с ним крепость солдаты действовали уже сообща с бунтовщиками.

Глаз Харлова выскочил от удара пики из глазницы и мотался на толстом нерве, как ужасный маятник.

– Вы что, рехнулись, братцы? – ещё раз воскликнул майор, держа наготове саблю.

– Не рехнулись, а образумились! – захохотал кто-то из предавших его солдат. – Хватаем его, братцы, чтоб государь с нас спросил поменьше!

Толпа бывших «защитников» крепости накинута на коменданта. Харлов ударом сабли рассёк одного, другого, но кто-то бросился ему под ноги. Майор споткнулся и упал; разъярённая толпа окружила его и стала вязать верёвками.

– А теперя к царю его снесём. Он нас помилует, а его «наградит» верёвкой!

Взбешенная толпа солдат переколола всех офицеров, а майора Харлова, израненного и окровавленного, поволокла к Пугачёву, который наблюдал за происходящим в крепости.

Полковник Елагин вскочил с кровати как ошпаренный. Набросив на плечи мундир, подбежал к окну. С улицы в комнату ворвалась барабанная дробь. Отрывистая глухая барабанная дробь казалась не торжественной, а какой-то тревожной.

Елагин выглянул наружу. В комнату вбежал капитан Берёзкин, медлительный, внешне невыразительный офицер, а следом за ним вбежала дочь, Лидия Фёдоровна. Она подбежала к отцу.

– Что это? Что там случилось? – истерично выкрикивала она, кивая на окно и боясь к нему приблизиться.

Полковник, замерший в неподвижности возле стола и весь превратившийся в слух, встряхнул головой и коротко ответил:

– Солдаты. Если это не подкрепление из Оренбурга, значит, Биров вернулся, чтоб сгореть ему, немчуре трусливому, в геенне огненной!

Лидия испуганно вздрогнула. Взгляд её снова обратился на отца, который вернулся к окну и хмуро, но спокойно глядел на улицу.

А у крепостных ворот разрастался шум. Спящая крепость вдруг ожила. Люди выбегали из домов и окликали друг друга, спрашивая, что случилось. Все стекались к воротам, которые стражники не спешили открывать без приказа коменданта. Все застыли у ворот, и шум на мгновение смолк.

Это был действительно отряд бригадира Бирова, который вернулся обратно в крепость этой же ночью с половины пути.

* * *

Обессиленного от ран майора Харлова повесили сразу же. Прохор Бурнов с каменным лицом набросил на шею коменданта петлю, с невозмутимым видом вышиб у него из-под ног скамейку и лишь после этого мрачно улыбнулся, с затаённым удовольствием наблюдая, как дёргается в агонии тело.

Бурнов повесил ещё прапорщиков Фэгнера и Кабалерова. Испытав повторно огромное, но тщательно скрываемое удовольствие, Бурнов повесил ещё писаря и татарина Бикбая, который перекрестился и сам одел себе на шею петлю. Бурнов готов был казнить ещё хоть сотню человек! Вот только приговорённых больше не оказалось, и Прохор был вынужден отойти прочь от «государя», который начал принимать присягу жителей и гарнизона.

Некоторое время спустя к Пугачёву подошёл Иван Зарубин-Чика.

– Ого-го... Да ты ли это, Ванюшка?! – воскликнул «государь», даже повеселев при виде уставшего с дороги Чики. – Спешись похвастать своими ратными успехами?

– Да куда там, – угрюмо ответил тот. – Я врага и в глаза не зрил. Вернулся Биров зараз в Татищево, даже меня не дождавшись!

– И что, путь на Татищево свободен? – спросил Пугачёв.

– Нам более нечего опасаться, – ответил Чика. – Путь до Татищевой чист. Можно хоть сейчас без опаски идти на крепость!

– Хорошо, – сказал «государь», – завтра спозаранку и двинемся.

В это время послышался громкий плач.

– Что такое? – И Пугачёв вскочил.

К нему подбежала молодая казачка.

– Государь, подсоби! – взмолилась она, упав на колени и заломив руки. – В мою избу ворвался ваш казак и забрал всё, что у меня было!

– Кто это был? – вспыхнул Пугачёв, вспомнив слова советников и ища взглядом Давилина.

– Вот он, государь, – ответил тот и хлопнул в ладоши.

Из толпы два казака выволокли отчаянно сопротивлявшегося человека.

– Кто он? – спросил Пугачёв.

– Михайло Воротников, – ответил тот, пытаясь упасть на колени, но конвоировавшие его казаки удержали злодея на ногах.

– Не нашенский он, – равнодушно пояснил Давилин. – Ещё вчарась али позавчарась к нам из крепости этой перебег.

– Вздёрнуть его здесь же, с офицерами в компании, – распорядился раздражённо Пугачёв. – Чтоб отныне каждая душа ведала, что за воровство её впредь ожидат!

Воротников закричал, но через несколько минут его тело уже болталось на виселице рядом с комендантом гарнизона.

Пугачёв обвёл всех присутствующих тяжёлым взглядом и объявил:

– С этого дня Военную коллегия при себе и войске открываю! Чтоб за порядком в войске пригляд был! Судьёй назначаю Андрейку Витошнова, писарем Максима Горшкова. А вот дьяком – Ивашку Почиталина! Знайте все, что за воровство и мародёрство – казнить без пощады стану! Мы не для грабежей воюем, а справедливости ради! Упреждаю о сеем всех, кто не уяснил того ещё!

Глава 9

Строительством церкви Архип руководил лично сам, а Ерофею Злобину и Матвею Беспалову доверил возводить дома. Казаки проявляли на непривычном для себя поприще большую энергию и умение.

– Я только сейчас уразумел, что горазд и охоч к строительству! – сказал как-то Злобин Архипу.

– К зиме бы поспеть, – вздохнул тот, с тоскою глядя на отстраиваемый посёлок.

– В струнку вытянемся, но поспеем! – заверил всех Беспалов. – Кабы вот небеса только надолго не прохудились!

Но «небеса прохудились» долгим обложным дождём, который сыпал, не переставая, дни и ночи напролёт. Земля, перенасыщенная влагой, превратилась в жидкую грязь, и подводы с трудом перевозили из леса в посёлок мокрые тяжёлые брёвна. Хотя стройка шла рядом с лесом, леса не хватало. Казаки уже повырубили поблизости все пригодные для строительства деревья.

Деревьев было много, но лиственница, используемая в строительстве, встречалась всё реже. Зато преобладали нестроеновые породы. Хорошие участки лиственницы были найдены на значительном расстоянии от урёта, в двух десятках вёрст.

Чтобы не останавливать стройку, было решено срочно наладить лесозаготовку и перебросить лиственницу в посёлок на подводах. Архип понял – не останься казаки в урёте, со строительством ему бы ни за что не справиться.

Невзирая на дождь и сырость, работа в лесу кипела. Казаки, зная, что «зима спросит, чем летом занимались», работали не покладая рук.

Во время обеда казаки перемигивались, незлобно переругивались, разговаривали сдержанно. Но, набив пищи желудки, все без приглашения спешили в лес на валку деревьев.

В этот день Архип промок и промёрз насквозь. Сырой стремительный ветер непрерывно пронизывал его, и тело под влажной одеждой ныло от холода. Надвигались сумерки. Уставшие и промокшие не меньше его казаки собирали инструмент и готовились к возвращению в посёлок.

Гружёные лесом телеги тронулись в путь.

Вёрст через пять от места вырубki первая подвода остановилась. Правивший ею Гафур Ураев стоял рядом, озабоченно покачивая головой. Дело было дряннь. В повозке сломалась ось, и она не могла двигаться дальше.

Окружившие её казаки, смачно поматерившись, разбрелись к своим повозкам и поехали дальше в посёлок.

Архип остался с Ураевым. Они облегчили повозку, сбросив с неё брёвна.

– Ничего, с утречка починим, – сказал Архип, осмотрев поломку. – А до урёту так, лошадыми дотащим...

Стоявший в стороне Гафур вдруг вскрикнул и отскочил от кустов, возле которых справлял малую нужду.

– О Аллах, что это? – пробормотал он, присаживаясь.

Архип поспешил к нему и присел рядом. Из кустов виднелись ноги, обутое в сапоги: одна подвёрнута, другая вытянута.

– Сдаётся мне, что сапоги татарские, как у Салима, – предположил Гафур.

– Я тожа узнал их, – хриплым голосом согласился Архип. – Так вот где нашёл свой конец Салим.

Морщась и чертыхаясь, они вытащили полуистлевший труп Салима из кустов.

– Может, обратно его зашвырнём? – спросил Гафур. – А в урёте обмозгуем, что с ним опосля делать.

Вскоре вернулись казаки, озабоченные долгим отсутствием Архипа и Ураева. Они окружили труп.

– Негоже оставлять его здесь, – сказал Архип. – Казаки, грузите его в телегу.

– А может, опосля? – спросил Гафур, бледнея.

– Свезём в умёт и захороним, – отрезал Архип. – Срежь нас проживал и плохого не сотворял, как... – Он вспомнил про Чубатого и замолчал, нахмурившись.

Труп Салима уложили в телегу поверх брёвен. Поехали. Повозка скрипела и вздрагивала на ухабах. При каждом толчке труп хрустел и ломался.

Ураев нервно дёргал за вожжи, мертвея от суеверного страха. Труп «ворочался» сзади, как живой. Дымка тумана клубилась вокруг. Жуть... Хоть бросай всё и беги впереди телеги.

И вдруг – треск, толчок, телега осела посреди огромной лужи. Гафур прыгнул и по колени провалился в воду. Колёса повозки наполовину скрылись под водой, а труп...

Ушедшие вперёд казаки вернулись снова.

– А ну подсоби! – крикнул Архип, подойдя к телеге и берясь за колесо.

Казаки окружили повозку, нехотя войдя в воду. Ураев взял в руки вожжи. Но засевавшая в жидкую грязь телега не двигалась с места.

Упираясь в скользкое дно лужи промокшими сапогами, казаки дружно раскачивали повозку. И вскоре их усилия увенчались успехом.

Измотанные, обессилившие люди выбрались из лужи, которая прямо на глазах увеличивалась в размерах, превращаясь в озеро. Матерясь и чертыхаясь, они побрели вперёд. Сушиться было некогда, да и негде.

Обоз медленно пополз вперёд. Казаки спрашивали друг друга:

– Сколько ещё до умёту?

– Рукой подать уже.

– Покуда доберёмся, все жилы зараз вытянем.

– Вытянем – не вытянем, а топтать надо б...

Сдвинув брови, напрягая мышцы, впериw упрямо вперёд глаза, наострив слух – казаки упрямо следовали в посёлок. И каждый, подавляя внутреннюю дрожь, вызванную холодом и нервным напряжением, думал: «Ничего, уже доберёмся. А там пожрём, да и в баньке попаримся!».

Телега Ураева жалобно хрустнула и застопорилась. Таскившая её пара измотанных лошадей тоже встала, даже не пытаясь сдвинуть её с места.

– О Аллах! Нет больше мочушки!

Архип оглянулся и увидел Гафура. Тот качался, и было видно, что он вот-вот рухнет прямо в грязь. От его промокшей одежды валил пар.

Казаки посматривали на него и ничего не говорили. Ураев, опустив голову, сел на куст корушатника. Он долго безучастно слушал, как пыхтят казаки, ладя его телегу. Неожиданно Гафур вскочил и бросился помогать им. Но Архип легонько отстранил его.

– Отдышись покуда.

Ураев хотел возразить, но покорно сел.

Подладив телегу, казаки вернулись к своим повозкам. И Гафур, думавший, что больше не может, снова взял вожжи в руки. Дождь прекратился, и на лес опустилась ночь.

– Не успели засветло добраться, – сказал Ураев и тут же свалился в телегу, вытянувшись рядом с опостылевшим трупом Салима.

Архип, не оставлявший его без внимания, помог Гафуру подняться и усадил на место.

Гафур пожевал ссохшимися губами:

– Сколько ещё осталось?

– Сейчас сам чёрт не поймёт, – взглянув на небо, ответил Архип.

Ураев с усилием выдохнул:

– Ничего, всё одно дотянем. Али мы не казаки?

Архип видел, что Гафур болен. Его вдруг охватила такая усталость, что тоже захотелось махнуть рукой и послать всё к чёрту.

Обоз прополз сквозь лес ещё немного. Архип утешал себя мыслью, что дорога стала лучше, как вдруг первая телега встала посреди очередной лужи.

Сбежались казаки. Подошёл и Ураев.

– Ступай обратно, без тебя сдюжим, – сказал ему Архип.

Мужики вертелись около телеги, загородившей проезд всем остальным. Пробовали и так, и эдак – ничего не выходило. Телега прочно застряла.

– Давайте разгружать, казаки! – вздохнул Архип. – До умёту всево ничаво осталось, а тама и отдохнём зараз...

Никому не хотелось разгружать. И ноги, и руки уже отказывались слушаться. Но делать было нечего. Начали выгружать и относить в сторону от повозки тяжёлые брёвна. Ураев тоже присоединился. Архип нахмурился, но не препятствовал: каждая пара рук была нужна.

Освободив телегу, попытались вытолкнуть её из лужи. Гафуру вручили вожжи. Он как мог погонял уставших коней, а казаки выталкивали сзади повозку. Они крепко ругались, скользили, падали и снова наваливались на неё. Вскоре повозка выскочила. Её протолкнули ещё немного вперёд и стали нагрывать брёвнами.

Архип осмотрел лужу критическим взглядом, почесал залепленный грязью подбородок:

– Браты, выпрягай коней и айда до умёту!

Казаки недоумённо посмотрели на своего атамана, но промолчали.

– Что зазря пупы рвать будем! – гремел в ночи простуженным голосом Архип. – Мы с этой телегой сколько промудохались, а их ещё вон сколько. Ежели каждую выгружать да в обрат загрузать станем, то...

– Не дури, атаман, – прохрипел простуженно Гафур. – Дождь вон как из ведра хлыщет. Ежели сегодня лес не дотащим, то до зимы об нём можно и не вспоминать вовсе.

– Ты что мелешь, Гафур? – спросил Архип, подойдя к нему.

– Атаман, уже морозы на носу, сам ведаешь, – прошептал обессилено Ураев. – А сколько ещё дожди лить будут – одному Аллаху известно. Дороги уже размыты, а завтра...

– Что, думаешь, дотянем?

– Выдюжим, не сумлевайся!

Подошедшие казаки уложили Гафура на брёвна, закутали его снятой с себя промокшей одеждой.

Изнемогая от усталости, казаки всё-таки умудрились перевезти гружёные лесом повозки через злополучную лужу и продолжили свой путь. Настроение немного улучшилось. Остаток ночи люди надеялись провести в посёлке.

Далее дорога была лучше, лужи встречались реже. «До полуночи дотянем, – думал Архип. – Вот ведь невозможно казалось, а считай дотянули!»

Вскоре обоз дотащился до посёлка. Архип едва управлял повозкой. Он боролся с усталостью, уже ни о чём не думая, сосредоточив все физические и духовные силы лишь на том, чтобы не свалиться без сил на мокрую землю...

Архип увидел бегущих к обозу людей только тогда, когда они были рядом. Он сошёл с повозки и тупо смотрел, как подбегавшие казаки сменяли своих измотанных собратьев и разгружали брёвна. Потом до его сознания дошло, что рядом с ним стоит Ерофей Хмелёв и тербит за плечо.

– А тебе чего в тепле не сидится? – спросил Архип.

– Дык невтерпёж стало, – ухмыльнулся старик.

– Что, соскучился?

– Можно и эдак сказать.

– А мы в лесу Салима нашли, – вдруг вспомнил о страшной находке Архип. – Его бы...

– Ужо позаботимся, не сумлевайся, атаман, – заверил его Хмелёв. – А сейчас марш в баню. Телеги разгрузят, я сам за выпряжкой коней пригляжу. И ещё, там тебя казак от Ивашки Кирпичникова дожидается. Он с вестью к тебе пожаловал. А уж с доброй али нет, сам рассуди.

Архип кивнул и поплёлся домой. Что за весть ждёт его? Почему Кирпичников сам не приехал в умёт?

Архип так ничего и не понял. Он пошагал к своей землянке, забыв об усталости. Навстречу ему выскочил Ерофей Злобин, и первое, что увидел Архип даже в сумерках, – были его сияющие каким-то особенным светом глаза.

* * *

Войдя в землянку, Архип почему-то сразу обратил внимание на руки посланца Ивана Кирпичникова. Широкие крепкие ладони, с толстыми короткими пальцами. И эти сильные, натруженные руки вызвали в нём ещё большее почтение к человеку, прибывшему от атамана, который оставил о себе очень хорошее впечатление.

В ожидании чего-то необычного Архип натянуто улыбнулся гостю, которого знал как казака Сафрона Щуплова. Но усталость после многочасовой езды по лесу сказалась именно в этот момент, и он едва не упал. Щуплов схватил его и поддержал.

– Да ты прямо с ног валишься, атаман! Садись скоренько к печурке, а то ещё продрог до соплей, как я погляжу?

Архип сбросил с себя пропитанный водой полукафтан и присел на табурет между столом и пышущей жаром печуркой. Ерофей Злобин и вошедший только что в землянку Матвей Беспалов расположились на нарах напротив. Сафрон Щуплов посмотрел на Архипа. Лицо его было серьёзным.

– С чем пожаловал к нам, Сафрон? – спросил Архип, разглядывая при тусклом свете лучины гостя.

– Вот тебе на! – ухмыльнулся тот. – Сразу не в бровь, а в глаз.

– С делом государевым пожаловал, – ответил за Щуплова Злобин. – А ты наберись терпения, атаман, зараз всё и услышишь!

– Иван Кирпичников послал, – ответил гость. – Вот уже соберусь с мыслями и как на духу обскажу зараз всё.

– А каким боком дело государево прикипелось? – насторожился Архип. – Нас что, на службу сверстать хотят?

– Можно и эдак назвать, – ответил загадочно Щуплов, покосившись на притихших Злобина и Беспалова.

Он вскочил и сделал несколько шагов взад-вперёд по землянке, а потом снова сел на тихо скрипнувший табурет.

– Дык вы не ведаете, что вокруг творится? – заговорил он. – Я вам сейчас обскажу, и вы всё поймёте. Вы узрите, что времячко нынче нашенское пожаловало, и мы отомстим зараз всем, кто на вольности наши казачьи роточки разевал! – Щуплов грохнул кулаком по столу.

Архип слушал его, широко раскрыв глаза.

– Царь-государь наш, Петр Фёдорович Третий, в степи объявился! – выкрикнул Сафрон.

– Дык разве у нас теперь не государыня на престоле? – удивился Архип.

– Покудова она ещё, – скрипнув зубами, ответил гость. – А кто она, знате? Немка... Змеюга подколодная! Скинула Петра Фёдоровича с престола, а сама евоное место заняла! А он-то жив оказался и сейчас в степи объявился! Вот как оно.

– А для чего он к нам пожаловал? – вытаращил глаза Архип.

– Защиту и справедливость искать, – охотно пояснил гость.

– У кого? У нас? – прошептал обалдело Архип.

– У всех, кто в степи проживат! – важно, со знанием дела ответил Щуплов. – Мы, казаки, самые что ни на есть защитники государства, признающие только одну родину – Россию! И чтоб доказать это, мы должны вычистить отсель всех её врагов! Вот почему все казаки сейчас к государю примкнули. Сейчас войско у него крепкое. Вы поняли, казаки?

Поняли или нет гостя Архип, Матвей и Ерофей, но до них дошло, что сейчас им говорили что-то очень важное. И с чувством глубокой озабоченности они лишь утвердительно кивнули.

– Ну вот, – восторженно продолжил Щуплов, – а прибыл я нынче за вами! Всё бросайте зараз и к войску государеву поспешайте!

Но его призыв не заставил слушателей тут же подскочить и бежать седлать коней. Они лишь задумчиво переглянулись. Азарт, в котором пребывал Щуплов, вызванный собственной речью, развеялся. Лицо его посерело. Положив руки на колени, Сафрон уныло посмотрел на догоравшую лучину.

– Вы что, али сумлеваетесь в моих словах, казаки?

– Нет, – сказал Архип. – Я вот только не уразумею никак, для какого ляда мы государю понадобились? И взялся откель «государь» этот?

– Издалека он прибыл, – оживляясь, вскочил Щуплов. – Из-за границы, где от супружницы своей хоронился, – объявил он с такой гордостью, словно сам всё это время находился с «государем» рядом и расценивал это как наивысшую честь. – Поймите, казаки, что мы зараз все должны любить и почитать Петра Фёдоровича и быть готовы завсегда помереть за него!

Громкие и возвышенные призывы совсем оглушили Архипа. Он с усилием пытался запомнить всё, о чём так горячо ему втолковывали, и выяснить, каким же образом он сможет вернуть «государю» отнятый у него трон. Из вежливости, ради поддержания разговора, спросил у гостя только об одном:

– Почто государь, ежели это взаправду он, к нам пожаловал, а не к донцам али кубанцам?

– К донцам? – переспросил ошеломлённый Щуплов.

– Ну да.

– А, почто к ним, а не к нам? – Гость укоризненно покачал головой. – Знать, к нам у ампиатора доверия гораздо больше! А хотите знать, почто так?

Стараясь не заснуть, усердно раздирая слипающиеся веки и зевая, Архип выслушал полный восторга, хорошо заученный рассказ о том, почему «государь» выбрал себе в союзники именно яицких и оренбургских казаков. И почему все казаки готовы отдать свои жизни за спасение «ампиатора»!

Архипу стало не по себе и тоскливо оттого, что «государь» громит крепости на своём пути. А если он пожалует в умёт Степные огни? Но он ничего не сказал Щуплову, его одолел сон, голова безвольно упала на грудь.

– Спокойной ночи, Архип, – недовольно пробормотал над ним Щуплов, с помощью Злобина и Беспалова помогая ему перебраться на кровать. – Ежели вдруг, не дай Господи, жизнь государя будет зависеть от эдаких вота атаманов, то...

Он не договорил, только озлобленно сплюнул себе под ноги.

Архип проснулся рано утром. В землянке никого не было. Голова болела, в горле пересохло. Встав с постели, он прошёлся взад-вперёд по землянке. «Государю помощь казаков нужна в восстановлении справедливости...» Он потряс головой, думая, что в ней всё ещё кружится хоровод вчерашних слов Щуплова, но это долетали обрывки фраз с улицы.

Архип прислушался. За стенами землянки раздался гул десятков голосов. Немного огорчившись, что его как атамана не удосужились позвать на круг, Архип вышел на улицу и присел на пенёк.

Равнодушно следил он со стороны за тем, что происходит в центре умёта, у колодца.

– Казаки! Нам оказана великая честь! К нам прибыл гонец от самого ампиатора Петра Фёдорыча Третьево! – кричал, обращаясь к собравшимся, Ерофей Злобин. – Мы снимаем шапки перед ним!

Он сорвал с головы шапку и осмотрел всех, желая убедиться, что казаки дружно последуют его примеру.

Архип, сидя на пенке, с сожалением отметил, что большая часть казаков тоже снимала шапки.

Щуплов, сидевший недалеко от Злобина, довольно улыбнулся и удовлетворённо потёр ладони. Он встал и махнул рукой.

– Я хочу вам сказать, казаки, – выкрикнул Щуплов, – цените время и государево доверие!

Он принялся пересказывать слово в слово всё то же, что говорил ночью в землянке.

В голове Архипа всё перемешалось. Щуплов твердил о всеобщей борьбе за «государя ампиатора» и обещанные им вольности. Он говорил, что казаки – сила, которая сметёт всех недругов Петра Фёдорыча, и в России не останется никого, кроме вольного казачества.

Круг заволновался. Крики ликования переплелись с воинственными возгласами. Обычно рассудительные и трезво мыслящие казаки вдруг превратились в спесивых и невыдержанных мальчишек.

Едва страсти улеглись, а гул у колодца затих и смолк, Щуплов рубанул рукой воздух и воскликнул:

– А ну, собирайтесь в путь-дорогу, казаки! Государь ждёт нас!

Архип встал с пенки и подошёл к Сафрону:

– Почто без меня горло дерёшь? Почто не разбудил меня?

– А какой от тебя прок? – зло рассмеялся Щуплов. – Я мыслил, что ты атаман. И Иван Кирпичников эдак же мыслил. А ты? – Он грязно выругался в адрес Архипа и отвернулся.

– Из штанов гляди не выпрыгни, смутьян горластый! – крикнул оскорблённый Архип. – Ты почто людей зазря баламутишь, ирод? Наплёл с три короба, а ещё...

Щуплов замахнулся и ударил его плетью по лицу.

За первым ударом последовал второй, третий...

Архип закрыл лицо руками, но удары плети обрушились на его голову и плечи.

Ерофей Хмелёв, повинувшись чувству жалости, подбежал к нему, чтобы прикрыть своим телом, но Матвей Беспалов потянул его за ворот полукафтана и негодуя закричал:

– Прочь! Не трогай, не пачкай руки. Этот нелюдь обскорбил государя нашего и евонова посланца!

– Что произошло с вами, казаки? – оттолкнув Беспалова, закричал, потрясая клюкой, Хмелёв. – Мы вам кров дали, к себе допустили, а вы?

– Оставьте их, казаки, – распорядился Щуплов, незаметно для всех беря «бразды правления» в свои руки. – Ступайте и к походу готовьтесь. А умёт этот... Да пущай горит себе синим пламенем сообча с трусливым атаманом и стариком ополоумевшим!

Глава 10

Татищева крепость никогда не испытывала своими стенами всей мощи вражеского натиска. За краткую историю своего существования она довольствовалась мирным спокойствием, нарушаемым лишь мелкими набегами кочевников, которые рыскали небольшими отрядами вокруг да около, даже не пытаясь штурмовать крепкие бревенчатые стены.

С приближением войска Пугачёва крепость переживала крайнюю тревогу.

Комендант Елагин схватил бригадира Билова за грудки и закричал:

– Дайте мне свою шпагу, Иван Карлович! Немедленно отдайте её мне!

– Пожалуйста, любуйтесь, – спокойно сказал Биллов, передавая ему свою шпагу. – Можете идти с ней на Пугачёва. Я не буду против.

– Вы подлец и трус! – выкрикнул Елагин, хватая шпагу и ломая её об колено. – Эта шпага запачкана, осквернена! Она не вынималась из ножен. – Он швырнул презрительно обломки в ноги остолбеневшего Билова, который густо покраснел и закричал, сотрясаясь от гнева:

– Свинья! Как ты смеешь обвинять меня в трусости?! Я старше тебя по должности... да я...

– Ты не достоин носить оружие, трус!

– А это мы ещё посмотрим! – сказал Биллов, гордо выпрямляясь.

– Вы трус и мерзавец! – продолжал обвинять Елагин. – Вы трусливо вернулись обратно, когда требовалось оказать помощь коменданту Харлову!

Побледнев, бригадир замахнулся, как саблей, своей длинной курительной трубкой и бросился на Елагина.

– Не подходи, зарублю, негодяй! – Комендант выхватил саблю и приготовился к схватке. Но, вовремя опомнившись, он опустил руку. – Но нет. Я этого не сделаю. Рука моя не тронет безоружного, не тронет офицера, хотя и трусливого, как заяц. Иди, беги, Иван Карлович! Бери коня. Ты ещё успеешь спасти свою шкуру, ускакав в Оренбург!

Биллов шагнул к двери.

– Иван Карлович, – остановил его Елагин, – ещё одно слово. Выслушайте меня!

– Что вам угодно, господин полковник? – спросил холодно бригадир.

– Мы здесь одни в канцелярии. Не кажется ли вам, что вы поступили подло?

– Отход отряда решал не я один, а все мои офицеры, – оправдывался, хмурясь, Биллов.

– Хорошо. Забудем распри, – справившись с собой, заговорил примирительно Елагин. – У нас около тысячи солдат и казаков, пятнадцать пушек. Дадим отпор самозванцу?

– С этого и надо было начинать, – пробубнил недовольно бригадир, возвращаясь на место. – Ломать шпаги всяк сможет, а вот противостоять смутьянам...

Войско Пугачёва расположилось в трёх верстах от стен Татищева. Минула ночь. Сторожевые на стенах не сомкнули глаз. Но в лагере противника не замечалось никакого движения.

Защитники крепости немного приободрились, но бдительности не утратили. Тяготившие всех опасения казались напрасными.

Комендант Елагин пребывал в недоумении: почему мятежники не атакуют крепость? А может, хотят взять измором, рассчитывая, что голод заставит защитников сдаться?

Полковник не переставал призывать людей к бдительности и осторожности. Он был уверен, что войско мятежников может напасть неожиданно и нужно с удвоенной бдительностью следить за врагом. Лицо его осунулось и сделалось хмурым. Он понимал, что солдаты в крепости могут не выдержать напряжения, а казаки... Он не верил прибывшим из Оренбурга с бригадиром Билловым людям, а особенно разбитному сотнику Тимофею Падурову. Сотник больше заглядывался на девок, чем готовился к смертельному бою с врагом.

Ближе к полудню комендант Елагин снова подошёл к стене и заглянул в бойницу. Он был погружен в свои мысли, но сразу очнулся и вздрогнул, когда подошедший сзади Биллов сказал, что мятежники – он указал в сторону лагеря пугачёвцев – не атакуют потому, что ждут подхода артиллерии. Таково было мнение и самого Елагина.

– И ты боишься этого? – резко спросил он барона.

– Бояться не боюсь, но их много, и воюют они на удивление умело.

– А у тебя душа в пятки прячется, Иван Карлович? – И Елагин презрительно рассмеялся.

Биллов покраснел и хотел что-то ответить, но в это время лагерь мятежников пришёл в движение. Послышались крики. Сидевшие вокруг костров казаки вскакивали и приветствовали радостными криками медленно приближающийся к лагерю обоз.

– Вот и артиллерия пожаловала, – вздохнул полковник и посмотрел на притихшего у бойницы Биллова. – Вы тут присмотрите, Иван Карлович, а я пойду, пожалуй, попрощаюсь с семьёй.

* * *

– Зря, государь, ты меня не послушал, – вздохнул Анжели, хмуря брови. – Эта крепость сама бы покорилась тебе без боя, когда её защитники прознали бы, что ты уже завладел Оренбургом.

– Что мне теперь Оренбург, господа советчики! – ухмыльнулся самодовольно Пугачёв, глядя на него и притихшего Флорана. – Мы ещё до столицы дойдём и ковырнём Катку! Сейчас вот возьмём Татищеву крепость, апосля Чернореченскую, и Оренбург у моих ног!

– Сейчас самое время на столицу двинуть, – высказал своё мнение Флоран. – Царица погрязла в войне с Турцией, и там задействованы лучшие войска. Дошагав только до Москвы, мы соберём такое войско, что императрице и не снилось! А когда мы с Божьей помощью усилимся, то и ударим по Петербургу.

Пугачёв задумался, а слово взял Анжели.

– Людей посылать надо, государь! – сказал он. – Пусть поднимают народ по тем областям, где потом пойдём мы, поднимайте его и дальше, у башкир, у Самары. Сейчас все крепостные ненавидят своих господ. Потому-то и война ваша с успехом набирает силу! У вас есть деньги на содержание войска. Офицеры получают плату в десять раз больше, чем офицеры в армии Екатерины.

– Ваши советы мудры и предусмотрительны, господа, – ласково посмотрел на французов Пугачёв. – Я пошлю людей везде, куда укажете.

Флоран и Анжели делали вид, что внимательно слушают «ампиратора», потягивая вино. Но при последних словах Пугачёва Флоран поднял голову:

– Послушай, государь, ещё один мой совет. У вас будет большое войско, но состоящее не из кадровых военных, а из народа; народ же, знаете, колеблется, как ковылинка на ветру. Войско могут и разбить. А потому не следует казнить офицеров, которые добровольно соглашались перейти к вам на службу!

– Штой-то я не вразумляю, об чём бормочешь, Егор? – сказал Пугачёв.

– Надо убеждать пленных офицеров в том, что вы истинный царь, а не палач! – продолжил Флоран. – Вы же казните их направо и налево, даже не пытаясь переманить к себе на службу.

– Дык вороги они все проклятые! – воскликнул Пугачёв удивлённо. – Они же Каткелареве уже присягнули?

– Как присягнули, так и отмахнутся от присяги той, если в вас настоящего царя увидят.

– Да ты что, ошалел что ль, Егор? – вспыхнул Пугачёв. – Апосля жди от них предательства али удара в спину? Я что, хороших полковников среди казаков не сыщу?

– Государь, прав Егор, – вступился за Флорана Анжели.

– Слухай ты, советчик, – вскочил Иван Зарубин-Чика, – ежели твой паршивый язык ещё эдак болтать будет, я тебе и Егорке зараз сдавлю бошки так, што мозги сами наружу вытекут! Офицеров шадить... Да разве можно верить этим гавнюкам в париках с косичками? Подите вы к чертям на рога, советчики хреновы!

Анжели, побледнев, пожал плечами и промолчал. В шатёр вбежал замешкавшийся Андрей Овчинников.

– Государь, пушки подвезли! – выпалил он, сорвав с головы шапку.

– Вот это уж по-нашенски! – воскликнул Пугачёв, вскакивая. – Теперь за дело, господа. Сейчас покажем пердуну старому Елагину, на чьей стороне сила и правда!

* * *

Защитники крепости пришли в смятение. Намерения бунтовщиков, устанавливающих пушки, были слишком красноречивы. Ни у кого не оставалось сомнений, что скоро начнётся штурм.

– Сдаваться надо! – вопили одни в отчаянии. – У царя-то вон войско какое. Вооружённое с ног до головы! А у нас какое оружие? И помощи ждать нам неоткуда.

– Молчать, ироды! – загремел Елагин, выбегая из дома.

Он успел переодеться в свой парадный мундир с боевыми наградами и шагнул к воротам твёрдой походкой уверенного в себе человека. Бодрые возгласы со всех сторон поддержали его боевой настрой.

Но и сторонники «сдаться» не остались без поддержки, причём значительной. Многие из тех, на чью храбрость уповал комендант, оказались трусами и паникёрами.

– Не слушайте его, люди! – орал кто-то из толпы, прячась за спинами других. – Всех, кто сдастся, государь всенепременно пощадит! Разве вы желаете, чтоб ваши избы пожгли, а вас перевешали?

– Пусть жгут, пусть вешают! – гремел Елагин. – Но живым я не сдамся! Лучше пусть меня убьют, чем я самозванцу в ноги буду кланяться!

В крепости поднялся невообразимый шум. Люди спорили и кричали. Все были так возбуждены, шум и гам был такой, что никто не слышал упреждающих возгласов караульных.

Вдруг раздался оглушительный выстрел, и голоса разом стихли. Следом за первым выстрелом грохнул другой, третий... По степи прокатился грохот пушечной пальбы. Белые дымки выстрелов, клубясь, сползали на землю.

Возле орудий сотнями выстраивались казаки. Пока прильнувшие к бойницам защитники, поражённые и растерянные, смотрели на построение бунтовщиков, комендант подбежал к бригадиру Билову, который с побелевшим лицом осматривал свои пистолеты.

– Ну, и вы ещё собираетесь воевать? – крикнул взволнованно барон, указывая на готовящихся к штурму пугачёвцев.

– Я собираюсь подороже продать свою жизнь и жизни моих близких! – закричал в ответ Елагин. – И тебе советую того же. Хватит труса праздновать, и все те, кто ещё верен присяге, за мной!

Дочь коменданта Елагина, одетая в чёрное вдовье платье, горько плакала в объятиях матери. Из её глаз катились слёзы, а губы вышёптывали молитвы. На улице грянула пушка. Лидия Фёдоровна вздрогнула, изменилась в лице и вскочила. Второй выстрел, третий... Зазвучал церковный колокол. Лидия Фёдоровна задрожала. С улицы, через распахнутое окно, слышались крики и бряцание оружия. В испуге она подбежала к окну и закрыла створки.

В комнату ворвался бледный слуга Гришка.

– Барыня, – закричал он в отчаянии, – мы пропали! Казаки идут стеной на крепость!

– Пусть идут, – воскликнула в гневе комендантша, и глаза её засверкали, – мы будем защищаться!

– Не выдюжить нам, барыня! Не выдюжить! – зарыдал слуга. – Казаки с Тимошкой Падуровым предали нас и к самозванцу переметнулись. А сейчас разбойники уже ворота топорами ломают и, как тараканы, на стены лезут!

– Ничего, этих собак пушками посибируют! – закричала комендантша в остервенении.

– Господин полковник уж этим занят. Но всё напрасно. Ядра летят в толпу бунтовщиков, десятков их падает, а взамен пять десятков лезет.

Громче зазвонил колокол. С улицы в дом просочился запах гари. Это наступающие подожгли наметанные возле крепостных стен большие стога сена. Теперь раздавались выстрелы из ружей; пушки слышались лишь изредка.

Вдруг раздался такой треск и грохот, что казалось, изба подпрыгнула на месте. Крепостные ворота были сломаны, и полная торжества толпа казаков хлынула в крепость. В комнату ворвался бледный, окровавленный сержант Сбруев.

– Спасайтесь, барыни, Бога ради, спасайтесь! – закричал он. – Казаки перебили почти всех солдатушек.

– Нет! – дрожа от гнева, но гордо ответила комендантша. – Нет, никуда я отсюда не пойду! Здесь смерть свою дожуся! А ты, доченька, – она обняла Лидию Фёдоровну и жавшегося к её ногам семилетнего сынишку Коленьку. – А вы, детки мои, уходите. Могёт статься, что Господь пощадит вас, ежели родители уберечь не смогли!

Пожар охватил погибающую крепость. Люди, объятые ужасом, спасались от удушья, срывая с себя одежду и обматывая ею головы. Спасали скот, скудные пожитки. Спасали детей.

Поддавшись панике, жители Татищева умоляли Елагина и преданных ему солдат прекратить сопротивление.

– А я что вам, Господь Бог! – огрызался комендант, страдая от бессилия и невозможности прекратить бойню. – Хотите, ступайте к самозванцу, а кто со мной... Мы сумеем за себя постоять!

Елагин бросился к пушке и поднёс к ней запал. Грянул выстрел.

Душераздирающий крик огласил крепость. Все невольно оглянулись.

Это кричала комендантша, таская воду из колодца и поливая ею дом. Она не плакала, но лицо её было бледно.

К воротам двинулся строй солдат. Впереди шагал барон Билов. Над ним развевалось знамя. Остальные смотрели на них полными ужаса глазами, прислушивались к звукам барабанной дроби.

К Билову подбежал прыгнувший со стены солдат.

– Плохо дело! – кричал он. – У ворот большое войско бунтовщиков. И если мы откроем их...

Барон истерично всплеснул руками:

– Так что прикажешь, болван? Живыми здесь гореть?

Между тем Елагин сутился у пушек. Он позабыл о семье, о бедственном положении крепости. Комендант видел лишь врага и хрипло отдавал суесящимся рядом офицерам едва разбираемые при грохоте приказы:

– Заряжай... товсь... пли!

А в крепости паника. Женщины со слезами на глазах умоляли мужчин сдаться «царю». И тут же кричали, чтобы мужчины не оставляли их в огненном аду, а взяли с собой...

Лидия Фёдоровна Харлова не видела и не слышала ничего. Она сидела в своей комнате в комендантском доме и прижимала к себе плачущего братишку. Она знала, что всё кончено, и готовилась к смерти.

Бряцанье оружия становилось всё слабее, колокола на церкви умолкли, изредка слышались выстрелы, но крики не прекращались. На улице шла резня. Ворвавшиеся в крепость казаки рубили всех направо и налево. Зубы оскалены, в глазах дикий блеск.

Огонь, дым, лязг сабель. Всё перемешалось.

Двери распахнулись. В комнату влетел сержант Сбруев. Он повернулся спиной к окаменевшей от ужаса Лидии Фёдоровне и грудью встретил разъярённых казаков, пытавшихся ворваться вслед за ним.

В бешенстве он стал размахивать вокруг себя саблями. Несколько казаков упали под его ударами. Но вдруг Сбруев выронил саблю, схватился за пробитую пикой грудь и, обливаясь кровью, упал к ногам Лидии Фёдоровны, которая изо всех сил прижимала к себе голову братишки.

– Смерть поганке! Смерть всем Елагиным! – ревели разъярённые казаки, вдавливаясь в комнату.

– А ну стоять! – раздался громкий голос.

Казаки притихли и опустили сабли. В комнату вошёл новоиспечённый полковник Тимоха Падуров. Весь, с головы до ног, он был забрызган кровью своих жертв. Его глаза горели, а губы были плотно сжаты.

– Кто её тронет, сам башку срублю! – объявил всем Тимоха. – А сейчас марш все на двор! Государь пожар велел тушить и спасать от огня всё, что ещё можно!

* * *

Флоран и Анжели, стоя в стороне, угрюмо наблюдали за казнью. Пугачёв приказал повесить всех взятых в плен офицеров и комендантшу Елагину. Она с оружием в руках разила казаков из укрытия. Её повесили рядом с бригадиром Биловым, который, позабыв о трусости, очень долго сопротивлялся мятежникам, отлично понимая, что на пощаду едва ли можно рассчитывать.

Самую страшную смерть принял комендант Елагин. С него содрали кожу, вынули сало и мазали им сапоги и раны.

Нескольких солдат и башкирцев расстреляли картечью, остальных «забрили в казаки» и насильно присоединили к войску бунтовщиков. Никто из казнённых о помиловании не просил.

– Не слишком-то «государь» прислушался к нашим советам, – прошептал Флоран, покосившись на Анжели. – Не пора ли ему указать на его место?

– Поздно, – так же шёпотом ответил Анжели. – Теперь придётся терпеть все его прихоти! Главное, что всё идёт так, как угодно его величеству королю Людовику.

– А я думаю, что надо намекнуть собаке, чью кость гложет, – процедил сквозь зубы Флоран. – За те деньги, что мы на него угрохали...

– Не мы, а король Франции, – напомнил ему Анжели. – Пусть тешится Емеля, пока его время. Ещё не известно, как долго его везение продлится!

– Первые удачи вскружили мужицкому «государю» голову, – усмехнулся Флоран. – Ему бы на Петербург двинуться, а не размениваться на мелкие крепостишки!

– Тут ты прав, можно к бабке за советом не ходить, – согласился Анжели. – Именно сейчас императрица не в силах ему противостоять! Но так долго продолжаться не может. Скоро она соберёт войско и двинет его на Емелю.

– А это уже можно считать нашей победой! – довольно улыбнулся Флоран.

– Да, русская армия не получит подкрепления на войне, – кивнул Анжели.

– Что тогда предпримет императрица?

– Всё, что взбредёт в её царствующую головку! А я смею предположить, что Екатерина будет вынуждена заключить с турками мир!

– И наша миссия в дремучей России будет наконец-то выполнена! – мечтательно вздохнул Флоран.

– Я бы повременил на вашем месте радоваться, месье, – остудил его радость Анжели. – За вами должок.

– Я помню о нём всегда, – нахмурился Флоран. – А ещё я готовлюсь нанизать вас на шпагу в первом же поединке!

– Мне бы вашу уверенность, месье, – тихо рассмеялся Анжели, у которого от разговора с «соотечественником» улучшилось настроение. – Но всё в руках Божьих.

– О чём это вы? – не понял Флоран.

– Твоё предательство не увенчалось успехом, и я жив! – ответил Анжели. – И если представится случай, то собираюсь отплатить вам той же монетой!

– Спасибо за предупреждение, месье. Я буду настороже!

– Храни вас Бог, месье.

– Он хранит меня от ваших козней весьма надёжно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.